

ВЕЛИКІЙ ПОСТЪ.

---

*Очеркъ изъ статики и исторіи христіан-
скаго обряда.*

М. Скабаллановичъ.

КІЕВЪ.

Тиражія Императорскаго Университета св. Владиміра. Акціонернаго Общества печатн.
издательскаго дѣла. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская улица домъ № 6.

1910.

**Отдѣльный оттискъ изъ журнала „Руководство для
сельскихъ пастырей“ за 1909 годъ.**

---

§ 1. Нынѣшняя форма поста.

Время и пространство считаются въ философіи принципами, т. е. способами, ограниченія вещей. Это значитъ: не зная вещей такими, какъ онѣ существуютъ внѣ насъ и сами по себѣ, мы знаемъ ихъ лишь такими, какими онѣ являются въ пространствѣ и времени. Онѣ должны пройти чрезъ призму этихъ условій нашего познанія, чтобы быть воспринятыми нами. Съ другой стороны и воздѣйствовать на внѣшній міръ мы можемъ не по самой сущности его, а лишь на обнаруженія его для насъ, т. е. опять же въ границахъ времени и мѣста.

Этотъ общій законъ нашего отношенія къ лежащему внѣ насъ міру имѣетъ нѣкоторое приложеніе и къ нашей религіозной жизни. Хотя Богъ настолько близокъ къ намъ, что мы „въ Немъ живемъ, и движемся, и есмь“¹⁾, и настолько сроденъ нашей душѣ, что можетъ ей открываться непосредственнѣе, чѣмъ матеріальный міръ, однако и Его отношеніе къ намъ не можетъ совершенно обойти рамокъ мѣста и времени. Нельзя отрицать, что Богъ въ храмахъ становится ближе къ намъ, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. А если такъ, то и во взаимныхъ отношеніяхъ между Богомъ и нами имѣютъ значеніе опредѣленія мѣста.

Тѣмъ болѣе въ этихъ отношеніяхъ должны имѣть значеніе опредѣленія времени, менѣе, такъ сказать, веществен-

---

¹⁾ Дѣян. 17, 28 (по буквальному переводу съ припятаго греческаго текста).

ныя и грубыя. Священные времена должны не менѣе приближать Бога къ намъ, чѣмъ священные мѣста. Это своего рода храмы Богу во времени, болѣе духовные, чѣмъ храмы въ собственномъ смыслѣ, слѣдовательно—болѣе приличные для Божества и болѣе угодные Ему.

Вступая въ священное время, мы чувствуемъ благодатное вліяніе, аналогичное тому, которое испытываемъ при входѣ въ храмъ. Разница, конечно, есть, но она выгоднѣе для священнаго времени. Во-первыхъ, благодатное вліяніе здѣсь продолжительнѣе (хотя можетъ быть менѣе интенсивно); во-вторыхъ,—оно разнообразнѣе.

Нѣтъ двухъ праздниковъ, которые навѣвали бы на насъ совершенно одинаковыя чувства. Можно сказать, въ каждый праздникъ Богъ намъ открывается совершенно съ другой стороны. По крайней мѣрѣ въ Православной Церкви совокупность пѣснопѣній, составляющихъ богослуженіе каждаго великаго праздника, настолько своеобразна по общему характеру своему, что настраиваетъ вѣрующаго совершенно не такъ, какъ въ другой праздникъ. Въ этомъ отношеніи разница, и большая, есть даже между такими сравнительно второстепенными праздниками, какъ, напр., Срѣтеніе и Благовѣщеніе. А богослуженіе съ его пѣснопѣніями и напѣвами и служить выраженіемъ нашего настроенія въ праздникъ; этимъ настроеніемъ были вдохновлены праздничныя пѣсни и мелодіи ихъ творцамъ.

Если оцѣнивать съ этой точки зрѣнія священныя времена, если смотрѣть на нихъ, какъ на своего рода храмы Богу, очищающія и возвышающія входящихъ туда, то трудно найти болѣе величественный и священный храмъ, чѣмъ Великій постъ. Онъ вполне оправдываетъ свой эпитетъ, усвоенный ему въ просторѣчій¹⁾ и принадлежащій кромѣ него

¹⁾ Официальное, такъ сказать, названіе этого поста „Святая Четырдесятница“; „великою“ въ богослужебныхъ книгахъ называется только послѣдняя его недѣля, Страстная.

только одному лишь празднику, одной недѣлѣ церковнаго года, пасхальной.

Въ этомъ постѣ христіанская Церковь владѣетъ воспитательнымъ орудіемъ такой силы и значенія, о которыхъ едва ли можно составить себѣ достаточное понятіе. Религіозныя переживанія человѣка занимаютъ до того глубокую часть его души, что они едва поддаются не только изученію, но и простому наблюденію. Тѣмъ меньше есть возможность опредѣлить или, точнѣе говоря, учесть ихъ вліяніе на всю душевную жизнь человѣка, а чрезъ нее и на всю вообще его жизнь, на его не только дѣятельность, но и міросозерцаніе, характеръ.

Можно не преувеличивая сказать, что въ теченіе этого поста мы болѣе, чѣмъ когда-либо, похожи на христіанъ. Религіозная идея какъ бы носится тогда въ воздухѣ. Все окружающее такъ напоминаетъ о Богѣ и вѣчности, что не думать объ этомъ совершенно нельзя, можно только думать такъ или иначе, больше или меньше. Богъ неотступно стоитъ предъ глазами cadaго,—для однихъ, какъ отрадная мысль и надежда, для другихъ, какъ мучительная задача, для иныхъ, какъ непонятная, можетъ быть, и нежелательная сила, такъ мощно дѣйствующая еще въ людяхъ, не смотря на систематическое, тысячелѣтнее богоборство.

Такое учрежденіе, когда бы оно ни возникло, не можетъ не имѣть громаднѣйшаго значенія не только для христіанства, но и для человѣчества. Въ немъ христіанство съ такою ощутительностью и внушительностью, какъ рѣдко чѣмъ и когда, проявляетъ свою дѣйствительность и силу. Преп. Кассіанъ, какъ увидимъ ниже, и объясняетъ установленіе Великаго поста стремленіемъ пастырей Церкви хотя на эти 40 дней воскрешать въ вѣрующихъ тотъ духовный пылъ, которымъ горѣли все время первые христіане. Не повторяется ли и нынѣ, хотя въ менѣе замѣтныхъ размѣрахъ вслѣдствіе большей скученности населенія и смѣси въ одномъ мѣстѣ разныхъ племенъ и религій, явленіе, на-

блюдавшееся св. Златоустомъ въ IV—V вѣкахъ относительно поста: „нигдѣ нѣтъ сегодня ни шума, ни крика, ни разрѣзыванья мяса, ни бѣганья поваровъ; все это прекратилось, и нашъ городъ теперь походить на честную, скромную и цѣломудренную жену. Когда подумаю о внезапной переменѣ, произшедшей сегодня, и вспомню о беспорядкахъ вчерашняго дня, то изумляюсь силѣ поста, какъ онъ, вошедши въ совесть каждаго, измѣнилъ мысли, очистилъ умъ“¹⁾.

Каждый грѣхъ, даже каждое гнилое слово, не проходитъ безслѣдно. И разрушительное дѣйствіе грѣха не ограничивается тѣснымъ кругомъ мѣста совершенія. Можно сказать, ядовитыя волны его тока распространяются по всему міру. Каждый грѣхъ въ нѣкоторомъ родѣ подтачиваетъ, разрушаетъ міръ, потому-то всѣ грѣхи такъ мерзки Богу и такъ караются Имъ. Если Великій постъ остановилъ хоть одинъ такой грѣхъ, то онъ имѣетъ міровое значеніе.

Съ каждымъ годомъ жизни у христіанина все больше укореняется привычка проводить эти недѣли такъ, наполнять ихъ этими ощущеніями. Мало-по-малу мощная привычка дѣлаетъ постъ въ такое время необходимостью, безъ которой больно. Сюда надо присоединить и неизбѣжное здѣсь, какъ и во всей духовно-тѣлесной жизни, вліяніе наслѣдственности.

Такое столько же значительное, сколько сложное учрежденіе требовало искусной организаціи. Великій постъ дѣйствительно представляетъ изъ себя цѣлую строго продуманную систему дѣйствій, точнѣе—вліяній на вѣрующихъ.

Стоитъ войти въ Церковь въ чистый понедѣльникъ или вечеромъ въ сыропустное воскресенье, и уже одинъ видъ траурныхъ облаченій на аналояхъ произведетъ свое незамѣтное вліяніе на настроеніе наше. А такихъ впечатлѣній получается въ храмахъ въ теченіе поста десятки: начиная отъ напѣвовъ и кончая медленнымъ заунывнымъ звономъ, все

¹⁾ На кн. Бытія бес. 2.

это одно за другимъ непрерывно бьетъ въ душу, стучить въ двери ея, обычно закрытыя не только для религіозныхъ, но и для всякихъ высокихъ движеній, пока, наконецъ, въ пробитыя щели не станеть проникать живительное дыханіе вѣры.

Главнымъ изъ благодатныхъ вліяній поста или орудій воздѣйствія его на душу, какъ ни многочисленны и разнообразны они, является все же самая суть поста, матеріальная основа его, т. е. извѣстное ограниченіе себя въ пищѣ.

Что ни говорить, а питаніе играетъ громаднѣйшую роль въ нашей жизни. Изъ пищи, такъ сказать, новотворится наше тѣло. А тѣло есть обнаруженіе, проявленіе души, которая въ самомъ возвышенномъ актѣ своей жизни не можетъ дѣйствовать отрѣшенно отъ тѣла. Процессъ питанія въ широкомъ смыслѣ, включая сюда и переработку пищи въ ткани нашего тѣла, поглощаетъ у души массу энергіи и беретъ для себя большую часть ея жизни, непрерывно наполняя ее связанными съ этой работой ощущеніями.

Въ виду такого значенія пищи для чисто-духовной жизни нашей, неудивительно, что всѣ религіи всегда придавали такое значеніе въ нравственномъ отношеніи посту, т. е. извѣстнаго рода нормировкѣ и ограниченію себя въ пищѣ. Но и помимо этого, все же полуфизіологическаго значенія, постъ пріобрѣтаетъ особое значеніе оттого, что имъ питаніе человека поставляется въ тѣсную связь съ богопочитаніемъ, получаетъ религіозное освященіе. Благодаря этому животворный глаголь Божій по-истинѣ проходитъ „до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ“¹⁾. Благодатное вліяніе религіи такимъ образомъ простирается на самый низъ нашей души, на ту подсознательную сторону ея, гдѣ она дѣйствуетъ уже какъ простая „жизненная сила“ (*vis vitalis*).

При такомъ психо-физическомъ характерѣ поста для него имѣютъ большую важность всѣ матеріальныя условія,

¹⁾ Евр. 4, 12.

въ которыхъ онъ протекаетъ. Изъ такихъ условій главнѣйшія слѣдующія три: время или пора поста, продолжительность его и способъ пощенія.

Извѣстно, каковы эти условія для Великаго поста. Въ первомъ отношеніи это постъ весенній. Онъ падаетъ на *время года*, когда происходитъ обновленіе всего организма природы въ столь крупныхъ размѣрахъ, что этому періоду ея жизни давно усвоено названіе „воскресенія“ природы. Будучи частью природы, сыномъ ея по тѣлу, человѣкъ, конечно, не можетъ остаться не захваченнымъ въ этомъ всеобщемъ потокѣ весенняго оживленія природы. Напротивъ, какъ самое нѣжное созданіе ея, онъ долженъ наиболѣе реагировать на животворное дыханіе весны. Каждому знакомы тотъ подъемъ тѣлесной энергіи, то кишѣніе силъ въ организмѣ, которое имѣетъ мѣсто весною. То—наше тѣло впитываетъ въ себя разливающуюся тогда всюду въ природѣ жизнь. Такой или иной родъ питанія имѣетъ тогда для тѣла больше, чѣмъ когда-либо, значеніе. Освятить въ такое время питаніе тѣла это значитъ освятить его въ наиболѣе подходящую пору. Съ другой стороны „дмѣнія“ плоти тогда особенно сильны. Принести въ жертву Богу эту пріятнѣйшую часть года по-истинѣ значитъ принести ему въ даръ лучшее, что мы имѣемъ, лучшіе изъ дней нашей жизни, „начатокъ“ (въ библейскомъ смыслѣ этого слова) года, который въ древности и начинался вездѣ съ весны.

Что касается *продолжительности* поста, то уже древніе учителя Церкви обратили вниманіе на то, что онъ составляетъ десятую часть года. Постъ, собственно какъ подвигъ воздержанія, заканчивается въ пятницу 6-й недѣли поста, когда Церковь начинаетъ свои гвѣснопѣнія словами: „Душеполезную совершивше чetyредесятницу“; далѣе начинается уже другой постъ въ честь страданій Христовыхъ. До этого дня отъ начала поста ровно 40 дней. По исключеніи изъ 48 дней всего поста (съ Страстной седмицей) 12 субботъ и воскресеній, въ которыя постъ не полагается, но принимается

постная пища только для однообразія въ питаніи, получается 38 дней. По тому или другому счисленію постъ приближается къ 36 днямъ $= 1/10$ года. Такимъ образомъ Богу посвящается не только „начатокъ года“, но и „десятина“ его, въ соотвѣтствіе съ тѣми десятинами, которыя обычно приносились у всѣхъ народовъ въ даръ Богу отъ всѣхъ плодовъ земли.

Десятина эта тѣмъ особенно цѣнна, что въ ней приносится Богу не что-нибудь внѣшнее и стороннее для человѣка, а какъ бы часть его самого, его жизни. Это—то самопожертвованіе, котораго Спаситель требовалъ отъ Своихъ послѣдователей. Величина такого поста вполне отвѣчаетъ величію христіанской вѣры и превосходству ея предъ ветхозавѣтной религіей, которая требовала только одного дня поста въ году. Сорокадневнымъ постомъ христіане, какъ на то опять же обращали вниманіе древніе учителя Церкви, ставятъ себя на одинъ нравственный уровень лишь съ величайшими праведниками Ветхаго Завѣта—Моисеемъ и Иліею и подражаютъ Христу.

Но важна не столько символика и совпаденія, сколько самая суть дѣла. Сорокъ, да еще съ лишнимъ, дней поста— время не малое. Это, конечно, не то, что посты древнихъ подвижниковъ, продолжавшіеся десятилѣтія; но это сильное подражаніе ихъ постничеству со стороны каждаго христіанина, являющееся вмѣстѣ фактическимъ признаніемъ за ихъ (подвижниковъ) подвигами великаго, непреходящаго значенія. Какъ увидимъ ниже, предпасхальный постъ удлинень до 40 дней именно подъ вліяніемъ великихъ примѣровъ постничества у свв. отшельниковъ. 40 дней—это такой промежутокъ времени, въ который можно скитаться съ самымъ суровымъ режимомъ, войти совершенно въ новыя условія жизни, почувствовать вполне другую жизнь, жизнь постника съ ея тягестями и небесными радостями.

Если въ цѣломъ институтѣ поста главное и средоточное мѣсто занимаетъ тѣлесное ограниченіе человѣкомъ себя въ пищѣ, то весьма важнымъ въ дѣлѣ пощенія является такая

или иная степень этого ограниченія или *діететика* питанія. Неудивительно, поэтому, что въ Православной Церкви эта сторона поста подвергнута самой точной регламентаціи. Послѣдняя дается вмѣстѣ и нераздѣльно съ чиномъ богослуженія на постъ (въ Типиконѣ и Трїоди постной) и уже само по себѣ такое соединеніе много говоритъ, трогательно: трапеза представляется какъ бы продолженіемъ богослуженія, перенесеніемъ его во весь домашній обиходъ. „Евангеліе отъ Марка, зачало 10“, читаемъ въ послѣдованіи на субботу 1-ю поста, „и святаго, зачало 52. Причастенъ: Въ память вѣчную. На трапезѣ чтемъ слово похвальное о святѣмъ Теодорѣ св. Григорія Нисскаго. И ядимъ бобъ обваренный, съ маслинами бѣлыми и черными. Причащаемся же и варенія [жидкое блюдо] съ масломъ прилучившагося, и колива; вина же испиваемъ по красоволю ради святаго. Сіе же прїяхомъ отъ лавры преподобнаго Саввы, и отъ богоноснаго отца нашего Евфимія“.

Правила относительно пищи, даваемая на Великій постъ церковнымъ уставомъ, въ общемъ настолько суровы, что ужаснуть и крѣпкую въ этомъ отношеніи натуру. Но они хорошо рассчитаны на силы средняго по здоровью организма, а для немощи дѣлаются изъ правилъ исключенія, нисколько, впрочемъ, не потакающія излишней изнѣженности.

Полное неяденіе требуется въ теченіе цѣлаго дня только для трехъ дней поста: первыхъ двухъ дней его (понедѣльника „чистаго“ и вторника) и великой пятницы. Остальные дни 1-ой седмицы до пятницы включительно, затѣмъ отъ понедѣльника до пятницы 2—6 седмицы, равно какъ въ первые четыре дня Страстной седмицы и въ великую субботу полагается однажды въ день вечеромъ сухояденіе, т. е. употребленіе въ пищу хлѣба, воды и овощей; дозволяются и варенныя овощи (напр., горохъ), но на-сухо и безъ постнаго масла (овощи за исключеніемъ Великой субботы). Во всѣ субботы и воскресенья поста разрѣшается настоящая вареная пища съ постнымъ масломъ („вареніе съ елеемъ“) и вино (послѣднее

разрѣшается и въ тѣ дни сужожденія, на которыя падаютъ болѣе торжественныя воспоминанія, или въ которыя совершаются очень длинныя службы, напр. въ четвергъ пятой недѣли поста и даже въ Великую субботу). Рыба же во весь постъ разрѣшается только на Благовѣщеніе и Вербное воскресенье (на первое, если оно не приходится въ Страстную седмицу) ¹⁾.

Въ Православной Церкви нѣтъ особаго богослужебнаго устава для монастырей и особаго для мірскихъ храмовъ. И такъ какъ правила пощенія (по вышеприведеннымъ основаніямъ) тѣсно связываются съ богослуженіемъ и даются только въ уставѣ послѣдняго, то и изложенныя правила пощенія имѣютъ въ виду не только монаховъ, но и мірянъ. Гдѣ воздержаніе монаховъ въ постъ должно чѣмъ-нибудь отличаться отъ мірскаго, тамъ это точно оговаривается въ уставѣ; напр., кромѣ среды и пятницы монахамъ уставъ заповѣдуетъ постъ и въ понедѣльникъ ²⁾; или же во всѣ дни, когда монахамъ разрѣшается масло и яйца, о мірянахъ прибавляется, что имъ разрѣшается мясо. Отсутствіе въ уставѣ пощенія на Четырдесятницу такой оговорки показываетъ, что на этотъ уставъ Церковь смотритъ какъ на обязательный для мірянъ въ такой же степени, въ какой для нихъ обязательенъ весь богослужебный уставъ.

Но какъ за неполное выполненіе богослужебнаго устава Церковь не осуждаетъ, предоставляя въ этомъ отношеніи многое усердію, благодаря чему практика выработала извѣстный минимумъ службъ, дальнѣе котораго считается непозволительнымъ идти,—такъ то же допускается и съ церковными правилами пощенія. Практикой установлено въ качествѣ минимума пощенія воздержаніе отъ мяса, молока и яицъ въ постъ. И надо замѣтить, что такая практика имѣетъ для себя и каноническое основаніе въ правилахъ вселенскихъ соборовъ. 26

¹⁾ Типик. гл. 32 и passim.

²⁾ Тип. гл. 35.

правило 6 вселенскаго собора, по поводу существовавшаго тогда въ Арменіи и др. мѣстахъ обычая въ субботы и воскресенья Четыредесятницы ѣсть сыръ и яйца, предписываетъ: „за благо признано и сіе, да Церковь Божія, по всей вселенной слѣдуя единому чину, совершаетъ постъ и воздерживается, якоже отъ всякаго закалаемаго, такожде отъ яицъ и сыра, которыя суть плодъ и произведеніе того; отъ чего воздерживаемся; аще же сего не будутъ соблюдать, то елирики да будутъ извержены, а міряне да будутъ отлучены“. Этимъ правиломъ безусловно воспрещается въ постъ и считается нарушеніемъ поста употребленіе только мяса, сыра и яицъ.

Хотя въ точности неизвѣстно, когда возникли уставныя правила пощенія и они менѣе авторитетны, чѣмъ постановленія вселенскаго собора, но, немного ниже, историческое разсмотрѣніе вопроса покажетъ намъ, что тѣ правила основываются на древнѣйшей церковной практикѣ. Да и соборъ, запрещая употребленіе въ постъ названныхъ продуктовъ, имѣетъ въ виду только субботы и воскресенья поста. О томъ, какаѧ пища не дозволяется въ другіе дни, соборъ не имѣлъ повода говорить.

„Относительно пищи понеси то, что можешь“, такое снисходительное правило на счетъ поста даетъ древнѣйшее послѣ новозавѣтныхъ Св. Писаній нравоучительное христіанское произведеніе, извѣстное „Ученіе 12 апостоловъ“. „Если ты дѣйствительно можешь понести все иго Господне, то будешь совершенъ; а если не можешь, то дѣлай то, что можешь“¹⁾.

Съ церковными правилами пощенія дѣло обстоитъ у насъ совершенно такъ, какъ и съ богослужебнымъ уставомъ Церкви. Общераспространенное убѣжденіе, что этотъ уставъ

¹⁾ Глава VI. Переводъ К. Д. Попова, изд. „Посредника“. Москва 1906 г.

не выполнимъ не только въ приходскихъ церквахъ, но и въ соборахъ, и даже въ монастыряхъ. Но убѣжденіе это исходитъ отъ тѣхъ, кто никогда и не думалъ выполнять его. Въ старой Россіи выполняли его и потому не разсуждали такъ. Отъ точнаго выполненія устава богослуженіе наше, несомнѣнно, много выиграло бы. Благодаря сокращеніямъ, оно теперь утомляетъ своимъ однообразіемъ. Его все больше и больше приближаютъ къ римско-католическому богослуженію, состоящему всякій разъ изъ однихъ и тѣхъ молитвъ; стихиры и канонъ, которыми главнымъ образомъ и разнообразится богослуженіе и которые составляютъ лучшую, центральную часть его, наиболѣе подвергаются сокращенію. Если бы на православно́мъ богослуженіи пѣлось съ надлежащимъ искусствомъ все то, что полагается пѣть, оно предстало бы въ такой дивной красотѣ, о какой теперь трудно составить себѣ и понятіе.

Такъ и съ церковными правилами пощенія. Трудно и совершенно невозможно судить о ихъ цѣлесообразности и достоинствѣ не испытавъ ихъ на себѣ. Автору настоящихъ строкъ привелось встрѣтить набожнаго человѣка, изъ мірянъ интеллигентнаго круга, который рѣшился испробовать на дѣлѣ эти правила. По нашему мнѣнію, произведенный этимъ человѣкомъ опытъ имѣетъ не меньшую, такъ сказать, научную цѣнность, чѣмъ замысль американскаго ученаго Викофа, который, чтобы изучитъ бытъ бѣдняка, рѣшилъ на два года стать чернорабочимъ. Его книга о жизни рабочаго, изданная послѣ этихъ двухъ лѣтъ, въ которыя онъ вынесъ нѣчто неимовѣрное для изнѣженнаго комфортомъ человѣка (приходилось часто голодать или ѣсть отбросы), явилась цѣннымъ вкладомъ въ литературу.

Опытомъ, разсказъ о которомъ намъ удалось слышать, мы надѣемся, также прольется немалый свѣтъ на достоинство церковныхъ правилъ пощенія.

Передадимъ кратко слышанный разсказъ.

Разсказчикъ рѣшилъ въ теченіе пяти дней каждой недѣли Великаго поста питаться только чаемъ и хлѣбомъ разъ въ день въ обѣденное время или вечеромъ. Наиболѣе тяжелы были, конечно, первые дни. На третій день почувствовалось такое истощеніе, что руки и ноги отказывались служить. Но дальше стало легче. Только въ обычные часы ѣды было очень тяжело. Но то собственно былъ не столько голодъ, сколько желаніе самого процесса ѣды, наслажденія, связаннаго съ этимъ процессомъ. Для постника обнаружилось теперь, насколько наполняетъ собою процессъ питанія жизнь чело-вѣка. Онъ замѣтилъ, что до сихъ поръ весь его день складывался въ сущности изъ ощущеній, связанныхъ съ процессомъ питанія, (конечно если что-нибудь другое въ извѣст-ный день не завладѣвало всѣмъ существомъ). Главныхъ ощу-щеній, замѣтилъ онъ, доселѣ у него было два, чередовавшихся съ непрерывностью: послѣ принятія пищи въ душѣ доминирова-ло чувство насыщенія; когда же оно потухало, на смѣну ему тотчасъ являлось чувство легкаго голода; послѣднее чувство было не менѣе пріятно, чѣмъ первое, такъ какъ соединялось съ перспективой скораго насыщенія. Когда теперь пришлось вырвать эту область ощущеній изъ души, въ ней оказалась страшная пустота, которую долго ничѣмъ нельзя было за-полнить, никакой душевной работой. Горько и досадно ста-новилось за такой глубокой матеріализмъ челоуѣка, незамѣ-чавшійся доселѣ.

Самочувствіе въ первые дни поста было очень тяжелое. На умъ не шло ничто: ни занятія, ни чтеніе, ни тѣмъ болѣе молитва. Возмущалась и бунтовала плоть, требуя всѣхъ силъ души на свое усмиреніе. Постникъ съ грустью замѣчалъ, что даже трогательныя пѣснопѣнія великопостныхъ службъ, ко-торыя всегда проливали сладкое умиленіе въ его душу, те-перь холодно ложились на нее. Казалось, не хватало въ тѣлѣ соковъ, и душа, поэтому, стала черства, суха. „И ка-кимъ образомъ подвижники могли называть постъ крыльями молитвы?“ приходило на мысль.

Чувствовалась страшная усталость. Не хотѣлось рѣшительно ничего дѣлать. Нужно было принуждать себя ко всякому дѣлу, которое прежде дѣлалось охотно и бодро. Пришлось собрать весь остатокъ энергіи, чтобы „опытъ“ не приносилъ ущерба занятіямъ. Совсѣмъ не такъ, какъ раньше, пошло даже и чтеніе. Онъ съ трудомъ заинтересовывался книгою. Нужно было встрѣтить въ книгѣ уже дѣйствительно что-нибудь изъ ряда вонъ выдающееся, чтобы привлечь усталое вниманіе и мысль. Равнодушно читались самыя интересныя книги.

Словомъ, нормальный ходъ жизни и дѣятельности душевной былъ нарушенъ совершенно. Но добровольнаго постника это не смущало. Все это онъ предвидѣлъ отчасти. Онъ рѣшился не оставлять своего смѣлаго опыта надъ собою и терпѣливо ждать результатовъ. Томительно и скучно тянулись дни. Въ душѣ было такъ черство и пусто, что постникъ боялся анализировать ее. Ему казалось, что наполнена она однимъ противнымъ чувствомъ—томленіемъ по „мясамъ египетскимъ“.

Человѣкъ склоненъ къ преувеличеніямъ и въ самоосужденіи. Когда постникъ сталъ внимательнѣе всматриваться въ то, что происходило теперь у него въ душѣ, онъ убѣдился, что не одинъ голодъ и томленіе по яствамъ наполняютъ душу его. На общемъ фонѣ этихъ невысокихъ ощущеній онъ уловилъ одну постоянную, можно сказать неотвязную мысль. Мысль эта была мысль о Богѣ.

О Богѣ теперь онъ не могъ не думать каждую минуту и каждую секунду. То, что онъ дѣлалъ, онъ дѣлалъ, конечно, только для Бога. А дѣланіе это давало чувствовать себя каждую минуту, болѣзненно, тяжело давало чувствовать себя, но давало. Какой-нибудь корысти, расчета въ подобномъ дѣлѣ не могло быть. Любой актъ благотворительности можно скорѣе заподозрить въ корыстности, чѣмъ это дѣло. Изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ, подвиговъ, ни одно такъ исключительно не направлено къ Богу, и къ Нему одному,

какъ это. Естественно, что и совершаемо оно не можетъ быть безъ постоянной мысли и памяти о Богѣ.

Предъ мысленнымъ взоромъ постника теперь постоянно стоялъ Онъ. Онъ былъ такой же, какъ прежде, таинственный и непостижимый. Но постнику казалось, что въ чудномъ и страшномъ обликѣ, въ какомъ Богъ обычно представлялся ему, онъ сталъ находить теперь новыя черты. Прежде онъ думалъ о Богѣ болѣе со стороны Его любви и прощенія. Богъ представлялся ему только любящимъ, снисходительнымъ, всепрощающимъ Отцемъ. Онъ какъ-то забывалъ о томъ, что этотъ Отецъ можетъ быть и строгимъ, что Онъ можетъ гнѣваться и карать людей. Теперь взоръ его какъ бы разглядѣлъ въ Богѣ эту послѣднюю черту. И по душѣ временами сталъ пробѣгать страхъ и трепеть отъ этого неожиданнаго открытія. Онъ съ изумленіемъ убѣдился, что до сихъ поръ считалъ Бога почти до слабости снисходительнымъ Отцемъ, готовымъ прощать все и оставлять безъ наказанія самые крупныя проступки своихъ строптивыхъ дѣтей. Теперь постникъ замѣчалъ, что куда бы онъ ни шелъ и что бы ни дѣлалъ, смотря на него эти строгіе, хотя и доброжелательныя къ нему очи. Онъ не могъ не чувствовать на себѣ постоянно этого взгляда, какъ не могъ не думать теперь о Богѣ.

Привыкнуть можно ко всему. Можно привыкнуть и питаться кускомъ хлѣба и стаканомъ воды въ день. Привыкъ и рассказчикъ мало-по-малу къ своей скудной трапезѣ. Сравнительно немного понадобилось и времени для этого: не болѣе, какъ недѣли чрезъ двѣ своего строгаго поста онъ почувствовалъ, что этотъ постъ перестаетъ тяготить его.

Нельзя было сказать, чтобы постъ совершенно не давалъ чувствовать себя и теперь. Правда, постникъ почти не голодалъ. Изнуреніе, удрученность, тоскливость все рѣже и рѣже появлялись. Но тѣмъ не менѣе, общее настроеніе его, настроеніе, какъ душевное, такъ и тѣлесное самочувствіе, было далеко не такое, какое бываетъ при обычномъ питаніи. Онъ

не могъ уловить, опредѣлить и назвать эту разницу. Но что разница была, и существенная, замѣтная, въ этомъ не могло быть сомнѣнія. Сравнивая себя теперешняго съ собою прежнимъ, онъ могъ замѣтить одну перемену. Въ немъ не появлялось теперь никогда того игриваго, самодовольнаго настроенія сытаго человѣка, которое такъ пріятно ощущать самому и которое такъ непріятно поражаетъ въ другомъ. Это то настроеніе, при которомъ человѣку хочется пошутить, пошмѣяться, когда онъ отдается сладкой истомѣ покоя, ничего недѣланія, легкаго чтенія и т. п. Ко всему этому онъ чувствовалъ себя теперь совершенно неспособнымъ. Ему казалось, что въ его организмѣ теперь не было тѣхъ лишнихъ соковъ, которые порождаютъ это самодовольство. Ему казалось, что соковъ жизненныхъ у него осталось ровно столько, сколько нужно, чтобы тѣло слушалось души. И оно, казалось, теперь больше слушалось души. Оно какъ бы не въ силахъ было усыплять и убаюкивать душу, и послѣдняя выигрывала отъ этого: въ ней было больше бодрости, ясности, трезвости. Онъ понялъ теперь, почему свв. подвижники считали постъ первымъ условіемъ такъ называемаго „духовнаго дѣланія“. Онъ убѣдился, что постъ дѣйствительно, „истончаетъ“ тѣло и окрыляетъ душу.

Ему казалось, что теперь только началась въ его душѣ настоящая работа нравственнаго улучшенія. Первымъ шагомъ къ такому улучшенію, несомнѣнно, было то, что грѣхъ ему теперь представлялся болѣе мерзкимъ и гадкимъ, чѣмъ прежде. Грѣхъ какъ бы вдругъ сбросилъ предъ нимъ поэтическую оболочку, въ которой онъ обычно является человѣку и которая такъ искусно прикрываетъ его внутреннее безобразіе. То, что раньше, напр., казалось ему въ себѣ участіемъ къ ближнему, то теперь, при болѣе строгой оцѣнкѣ, оказывалось злорадствомъ и завистію. Ему открылись глаза на себя. Онъ сдѣлалъ себѣ правильную оцѣнку, и невысокой оказалась эта оцѣнка. Желаніе передѣлать себя стало главнымъ въ душѣ. Правда, не умерли въ душѣ ея страсти: онѣ давали такъ же

остро, какъ и ранѣе, чувствовать себя. Но центръ тяжести душевной жизни перемѣстился съ этихъ страстей на то, что есть въ душѣ божественнаго и небеснаго. Измѣнялось какъ бы цѣлое міросозерцаніе.

Наступила Страстная седмица. Близкій конецъ нелегкаго опыта увеличивалъ бодрость. Могучая сила привычки совершенно помирила тѣло съ суровымъ режимомъ. Постникъ не могъ, впрочемъ, сказать, что умилительныя церковныя службы больше прежняго дѣйствовали на него. Скорѣе нѣкоторое истощеніе въ организмѣ ослабляло впечатлѣніе ихъ. Но одна минута вознаградила его за все. На трогательнѣйшей изъ страстныхъ службъ—утрени Великой субботы—его посѣтили настоящія слезы умиленія. Онъ запомнилъ и моментъ службы, въ который испыталъ это невѣдомое доселѣ блаженство. То было при чтеніи слѣдующаго стиха изъ такъ называемой „статіи первой“ „похвалъ“: „На землю спѣлъ еси, да спасеши Адама, и на земли не обрѣтъ сего, Владыко, даже до ада снизшелъ еси ищій“¹⁾. Стихъ, дѣйствительно, одинъ изъ самыхъ поэтическихъ въ цѣлой службѣ. Онъ и ранѣе останавливалъ вниманіе рассказчика своей глубиною и красосою. Но всегда, прежде и послѣ, этотъ стихъ трогалъ его въ такой степени, какъ десятки другихъ возвышенныхъ мѣстъ въ богослуженіи,—можетъ быть, немного больше. Теперь же изображаемая здѣсь любовь Христа и глубина паденія человѣческаго, завлекшая въ адъ Самого Бога, предстали сознанію въ такой яркости и силѣ, такъ задѣли душу, что нельзя было удержать плача. Читавшій кое-что по аскетикѣ, онъ зналъ о слезахъ умиленія, зналъ, что это слезы сладкія, слезы какого-то восторга. Но онъ не могъ представить себѣ, что въ нихъ разлито такое неземное блаженство, и что сладость ихъ такъ неопишимо высока. Не болѣе одной или двухъ минутъ лились изъ глазъ его эти благодатныя слезы, но блаженство этихъ двухъ минутъ, больше не повторявшееся въ

¹⁾ Похвала 25-л.

его жизни, вполне стоило, по его мнѣнію, сорока дней тяжелаго поста.

Описанный „опытъ“ показываетъ, что правила пощенія, даваемая нашимъ уставомъ, хотя дѣйствительно нележки и суровы, но обѣщаютъ многое за свое выполненіе. Но само собою разумѣется, что они едва ли могутъ рассчитывать на широкое примѣненіе. Возможно даже, что для иного организма они были бы и не безвредны. Самъ „уставъ“ считается съ такими ограниченіями, и даетъ послабленіе для немощныхъ; такъ напр., старымъ, малолѣтнимъ и больнымъ онъ разрѣшаетъ вкушать пищу и во вторникъ 1-ой седмицы вечеромъ, т. е. сокращаетъ полное неяденіе до 1½ сутокъ. Но дальше этого льготы не идутъ. Нигдѣ не дано позволенія ради слабости вкушать не то, чтобы масло и молоко въ теченіе поста, но даже рыбу и постное масло (въ дни, когда запрещается оно). Извѣстный толкователь церковныхъ каноновъ Вальсамонъ, патріархъ Александрійскій, говоритъ: „не позволяется никому, даже въ случаѣ смертной болѣзни, въ Четырдесятницу ѣсть мясо; мы видимъ, что о семъ въ разныя времена было спрашивасмо на соборахъ, но не дано позволенія“¹⁾.

Обычно противъ обязательности постовъ, и въ частности Великаго, выставляють въ качествѣ возраженія идею христіанской свободы. Нельзя спорить, что христіанство не считаетъ внѣшній культъ столь же обязательнымъ, какъ это дѣлалъ Моисеевъ законъ. Но нельзя упускать изъ виду и того, что постъ не обрядъ лишь, а средство, и очень сильное, нравственнаго воспитанія. Да и можно ли сказать, что обрядъ совершенно не нуженъ христіанству? Не забудемъ, что и таинство имѣетъ внѣшнюю, обрядовую сторону и безъ нея, по убѣжденію Православной Церкви, не совершается. Невозможно приобщиться Тѣла и Крови Христовой безъ хлѣба и вина. Нельзя получить прощенія грѣховъ помимо исповѣди,

¹⁾ Epist. de jejun. Cotel. Monum. eccles. Gr. T. II.

креститься безъ воды и т. п. Такъ и относительно поста всегда было убѣжденіе въ христіанствѣ и Церкви, что онъ не только полезенъ, но и необходимъ для спасенія, и что совершенно и никогда не поститься христіанинъ не можетъ. Какъ мы видѣли, постомъ дается душевной жизни и развитію нѣчто такое, что другимъ путемъ она не можетъ получить.

Такъ же неосновательно неудовольствіе на Церковь за точное установленіе времени и сроковъ для поста. Постъ общественный настолько же выше и сильнѣе частнаго, какъ молитва общественная частной. Кто не хочетъ общественныхъ постовъ, долженъ отказаться или признать излишнимъ и все наше чудное богослуженіе.

„Нѣкто входитъ въ городъ и находитъ, что тамъ постятся: онъ заканчиваетъ постъ вмѣстѣ съ ними“, требуетъ Талмудъ ¹⁾. Но этого требуетъ и нравственная, такъ сказать, деликатность къ окружающимъ. Хомяковъ говорилъ, что нравственная солидарность съ Церковью не позволяла ему отдѣляться отъ массы вѣрующихъ въ постѣ, хотя онъ и не сознавалъ вполнѣ пользы его.

§ 2. Продолжительность поста въ историческомъ развитіи.

Если „слова учать, а примѣры побуждаютъ“, то въ жизни христіанской Церкви не могло быть такого времени, когда бы она не имѣла постовъ. Картина безбрежной, выжженной іерихонской пустыни съ воющими шакалами, усѣянной скорпіонами, пугливо обходившими истощеннаго Человѣка съ поникшей отъ великой думы головой слишкомъ потрясающа и для современнаго художника ²⁾, чтобы она не стояла всегда предъ глазами вѣрующаго тѣхъ временъ, когда не могли думать и говорить ни о чемъ другомъ, кромѣ Христа.

¹⁾ Таанитъ, III, 5.

²⁾ Русская живопись не разъ блестяще использовала этотъ сюжетъ.

Начинаясь (въ приготовительныхъ своихъ недѣляхъ) едва не сразу послѣ праздника Крещенія, продолжаясь 40 дней, Великій постъ составляетъ столь явное подражаніе посту Христову, что неудивительно, если древніе церковные писатели считали его „установленіемъ Божественнымъ“, должно быть видя въ постѣ Спасителя обязательный для насъ примѣръ для подражанія. „Въ теченіе сорока дней, по законамъ Царя Христа, предлагается врачевство для очищенія плоти“, говоритъ св. Григорій Богословъ ¹⁾. По словамъ св. Амвросія, Христосъ постился, дабы „научить насъ полезному дѣлу не словами только, но и примѣромъ, дабы мы тѣми же стопами, коими течемъ къ вѣрѣ, совершали шествіе и къ воздержанію“ ²⁾. Петръ Хрисологъ называетъ Четыредесятницу „не человѣческимъ изобрѣтеніемъ, а уставомъ Божественнымъ“ ³⁾.

Но вѣрно замѣчаетъ Іоаннъ Златоустъ: „Христосъ не говоритъ, что должно подражать Ему въ постѣ, хотя Онъ могъ бы сослаться на тѣ 40 дней; но—„научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ“. Даже напротивъ, посылая апостоловъ на проповѣдь, не сказалъ: поститесь— а „все предлагаемое вамъ ядите“ ⁴⁾. Высокую духовность основанной Имъ вѣры Спаситель умалилъ бы, не такъ безконечно возвысилъ бы ее надъ всѣми когда-либо существовавшими религіями, не исключая и ветхозавѣтной, и древней буддійской, если бы Онъ установилъ хотя одинъ день обязательнаго поста. Нежеланіе сдѣлать это тѣмъ характернѣе для Спасителя, что Онъ не могъ Себѣ представить Своихъ учениковъ совершенно не постящимися, въ такой же степени, какъ и не молящимися. Дать полную свободу въ удо-

¹⁾ Стихотвореніе „На постное молчаніе“. Теофилъ въ пасх. письмѣ и Кирилль Александрійскіе говорятъ, что мы постимся въ Четыредесятницу „по евангельскимъ и апостольскимъ преданіямъ“.

²⁾ Слово 34.

³⁾ Слово 11.

⁴⁾ На ев. Маттея, бес. 47.

влетвореніи и такихъ неискоренимыхъ потребностей челоуѣческаго духа, какъ молитва и постъ, это значило сообщить новой религіи неслыханную еще дотолѣ свободу и духовность.

Если апостолы вѣрно поняли духъ ученія Своего Господа (а ихъ потому и выбрано такъ мало, что понимать этотъ духъ такъ, какъ они, другіе не были въ состояніи), то и они не могли устанавливать постовъ, какъ и праздниковъ. „Наблюдаете дни, мѣсяцы, времена и годы. Боюсь за васъ, не напрасно ли я трудился у васъ“, съ горечью пишетъ ап. Павелъ галатамъ¹⁾. Апостольскій обличаетъ ихъ не за соблюденіе іудейскихъ субботъ, новомѣсячій, праздниковъ и субботнихъ годовъ, а за чисто-законническое стремленіе къ скрупулезной точности въ опредѣленіи ихъ сроковъ²⁾. Если не съ такою ревностью, какъ „столпы“ Іерусалимской Церкви, Іаковъ Праведный, Петръ, то все же съ безупречной аккуратностью ап. Павелъ самъ соблюдалъ іудейскіе праздники, прерывая для нихъ и свои апостольскія путешествія³⁾. Но онъ настаивалъ на полной свободѣ христіанъ въ отношеніи ко всѣмъ священнымъ временамъ. „Иной отличаетъ день отъ дня, а другой судитъ о всякомъ днѣ (равно). Всякій (поступай) по удостовѣренію своего ума. Кто различаетъ дни, для Господа различаетъ [празднуя ихъ въ честь Его]; и кто не различаетъ дней, для Господа не различаетъ“⁴⁾, благодаря Его въ сердцѣ за дарованную Новымъ Завѣтомъ свободу въ этомъ отношеніи.

Опасенія ап. Павла, что онъ „напрасно трудится“ для утвержденія въ умахъ христіанъ идеи христіанской свободы, не сбылись, какъ того, впрочемъ, онъ и самъ не могъ не предвидѣть, если вѣрилъ въ будущность Церкви. Чѣмъ дальше, тѣмъ съ большей свободой христіане стали относиться къ

¹⁾ 4, 10—11.

²⁾ „Наблюдаете“—*παρρησιάζετε* (подстерегать, сторожить).

³⁾ Дѣян. 20, 16. 1 Кор. 16, 8.

⁴⁾ Рим. 14, 5. 6.

іудейскимъ праздникамъ, замѣняя ихъ своими. Уже и во времена апостоловъ „день Господень“ заслоняетъ собою субботу¹⁾, хотя она соблюдается въ Церкви едва не до V в.²⁾. Получивъ право отъ Своего Основателя и непосредственныхъ продолжателей Его дѣла—самой выработать себѣ весь культъ, Церковь какъ бы предоставила сдѣлать это времени и постепенному развитію своей жизни, благодаря чему всѣ учрежденія ея, будучи запечатлѣны настолько духомъ Христовымъ и апостольскимъ, что невольно срываютъ съ устъ эпитеты „Божественный“, „апостольскій“, являются созданіями ея самой, плотью отъ плоти ея, дорогимъ памятникомъ и наслѣдіемъ ея вѣковой жизни.

Такимъ свободнымъ созданіемъ Церкви является и Великій постъ. Время установленія его въ Церкви до сихъ поръ составляетъ для исторіи загадку. Но уже въ XVII вѣкѣ археологія отвергла общераспространенное ранѣе мнѣніе объ апостольскомъ происхожденіи этого поста.

Мнѣніе это основывалось главнымъ образомъ на 69 апостольскомъ правилѣ, которое изрекаетъ осужденіе на не постящихся въ Четыредесятницу. Кромѣ того такіе древніе писатели, какъ бл. Іеронимъ и папа Левъ I (440—461 г.), называютъ Четыредесятницу первый—постомъ „по преданію апостоловъ“³⁾, а второй—„апостольскимъ установленіемъ“⁴⁾. Но относительно правилъ апостольскихъ, уже давно установлено наукою, что они, выражая вѣрно духъ апостольскаго ученія, не могли произойти ранѣе II в., а по мѣстамъ носить на себѣ слѣды практики и III—IV вѣка. Что же ка-

¹⁾ Дѣян. 20, 7. Апок. 1, 10. Посланіе ап. Варнавы' 16 гл.: „мы проводимъ въ радости восьмой день, въ который Іисусъ воскресъ изъ мертвыхъ“.

²⁾ Пост. апост. кн. VIII, гл. 33.

³⁾ „Secundum traditionem apostolorum“. Письмо къ Марцеллѣ.

⁴⁾ „Apostolica institutio“. Sermo VI de Quadrag. Въ другомъ же мѣстѣ св. Левъ говоритъ, что постъ въ Четыредесятницу „установленъ апостолами по наставленію Духа Святого“ (sermo IX).

сается свидѣтельствъ бл. Иеронима и Льва Великаго, то наименованіе „апостольскій“ въ ихъ устахъ часто было только почетнымъ титуломъ, а не исторической маркой: о св. Львѣ замѣтимъ, что онъ называетъ апостольскимъ установленіемъ все издавна соблюдавшееся въ его Церкви и даже завѣдомо введенное его предшественниками: свв. Дамасомъ (366—384) и Сириціемъ (384—398) ¹⁾; бл. же Иеронимъ самъ сознаетъ широкую неопредѣленность понятія „апостольскій“, замѣчая, что правило о постѣ въ субботу, однѣми церквами соблюдаемомъ, а другими нѣтъ, тѣми и другими возводилось къ апостоламъ ²⁾.

Если бы во времена апостоловъ существовалъ Великій постъ хотя бы въ зачаточномъ видѣ, какъ нѣчто общераспространенное и общепризнанное, то гдѣ-нибудь въ посланіяхъ ихъ было бы какое-либо указаніе на него, какъ въ этихъ посланіяхъ содержатся немалочисленные указанія на разные обычаи въ тогдашнихъ церквахъ, на богослужебную практику (евхаристію), на празднованіе воскреснаго дня.

Если посланія апостольскія могли обойти молчаніемъ такой постъ, не смотря на то, что о немъ былъ поводъ сказать, когда рѣчь заходила о воздержаніи вообще (напр. у ап. Павла о воздержаніи отъ мяса, отъ вина), то по крайней мѣрѣ у ближайшихъ къ апостоламъ писателей, у такъ называемыхъ мужей апостольскихъ и въ современныхъ имъ памятникахъ, не могло не встрѣтиться упоминаніе объ этомъ постѣ. Можно сказать, каждый изъ этихъ писателей имѣлъ поводъ въ сохранившихся отъ него писаніяхъ говорить объ этомъ предметѣ, и не говорилъ. Въ посланіи ап. Варнавы двѣ главы (изъ 21) занимаются специально постами, приводятся всѣ мѣста Ветхаго Завѣта о постахъ и между ними

¹⁾ Bingham Jos. *Origines sive antiquitates ecclesiasticae*, vol. IX, *Na-lae* 1729, стр. 190.

²⁾ Пис. къ Луц.

грозное опредѣленіе Левить 23, 29: „кто не будетъ поститься постомъ, смертію потребится“ ¹⁾ и ничего не говорится объ обязанности христіанъ поститься; напротивъ доказывается ²⁾, что постъ долженъ состоять въ дѣлахъ милости. Въ „Пастырѣ“ Ерма, памятникѣ тоже I вѣка, одинъ отдѣлъ (изъ числа такъ называемыхъ тамъ 10 „подобій“, кромѣ которыхъ есть еще 4 видѣнія и 12 заповѣдей) посвященъ посту и въ немъ находятъ, глухое впрочемъ, указаніе на постъ среды и пятницы: Ерма говоритъ Пастырю, что находится „на стояніи“, объясняя, что это значить „постится“; а между тѣмъ извѣстно, что уже во времена Тертуліана среда и пятница назывались „днями стояній“ ³⁾. Такимъ образомъ здѣсь, гдѣ можно было бы ожидать упоминанія о постѣ Четырехдесятницы, нѣтъ такого упоминанія ⁴⁾.

Нынѣ въ наукѣ самымъ драгоценнымъ и неповрежденнымъ изъ древнихъ памятниковъ считается такъ называемое „Ученіе 12 апостоловъ“ (открытое только въ 1875 году въ рукописи XI вѣка). Написанное по признанію самыхъ строгихъ критиковъ (отвергающихъ подлинность или неповрежденность евангелій и посланій апостольскихъ) не позднѣе конца I или начала II вѣка, оно служитъ лучшимъ показателемъ практики церкви перваго послѣ-апостольскаго періода. Въ немъ три раза идетъ рѣчь о постѣ и тоже не упоминается о Четырехдесятницѣ, тогда какъ дается прямое предписаніе поститься въ среду и пятницу ⁶⁾. Нѣтъ о ней упоминанія и въ другомъ, нынѣ очень цѣнномъ древнехристіан-

¹⁾ Посланія гл. 7.

²⁾ Гл. 3.

³⁾ Do jejun. c. XIV.

⁴⁾ Не понятно, почему прот. Дебольскій видитъ въ этомъ мѣстѣ „Пастыря“ Ерма рѣчь о св. Четырехдесятницѣ („Дни богослуженія Прав. кахол. Вост. Церкви, изд. 6, Спб. 1866, ч. 2, стр. 19).

⁵⁾ Гл. 6, 7 и 8.

⁶⁾ Τετράριχ καὶ πρῶσχευήν, гл. 8. Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur, herausg. v. Gebhardt u. Harnack. Leipzig 1886, II Band, S. 25.

скомъ памятникѣ, такъ называемыхъ „Канонахъ церковныхъ св. апостоловъ“¹⁾), составляющихъ очень раннюю переработку „Ученія 12 апостоловъ“; впрочемъ въ этомъ памятникѣ нѣтъ вообще рѣчи о постахъ. Нѣтъ о постахъ рѣчи (слѣдовательно не могло быть упоминанія и о Великомъ постѣ) и въ посланіяхъ св. Игнатія Богоносца († 107 или 115 г.). Такое указаніе находится только въ посланіи съ его именемъ къ Филиппійцамъ („Четырдесятницы не пренебрегайте: она служитъ подражаніемъ жительству Христову“), но подложность его давно доказана²⁾.

Самымъ раннимъ свидѣтельствомъ о Четырдесятницѣ является такимъ образомъ посланіе св. Иринея Ліонскаго († 202 г.) къ папѣ Виктору (189—198 г.) по поводу споровъ о времени празднованія Пасхи, приводимое Евсевіемъ въ его „Церковной исторіи“³⁾. Признавая, что „таинство воскресенія Господня“ нужно праздновать только въ день воскресный, онъ проситъ Виктора не исключать изъ своего общенія цѣлыя церкви, которыя соблюдаютъ унаслѣдованный отъ предковъ обычай, т. е. празднуютъ Пасху въ 14-й день перваго весенняго луннаго мѣсяца, какъ евреи, въ какой бы день недѣли это полнолуніе ни пришлось. Представивъ много доводовъ къ своей просьбѣ, св. Иринея продолжаетъ буквально такъ: „ибо дѣло идетъ не только о днѣ, но и о томъ, какъ нужно поститься; именно одни думаютъ, что нужно поститься только одинъ день, другіе—два дня, иные—еще больше; нѣкоторые же исчисляють этотъ день свой въ 40 часовъ дневныхъ и ночныхъ (οἱ δὲ τεσσαράκοντα ὥρας ἡμερινὰς τε καὶ νυκ-

1) *Κανόνες ἐκκλησιαστικοὶ τῶν ἁγίων ἀποστόλων*. Тамъ же, S. 225—237.

2) Обстоятельство, не оговоренное въ ссылкѣ на это посланіе у прот. Дебольскаго (цит. соч. стр. 11), между тѣмъ какъ и въ русскомъ переводѣ „Писаній мужей апостольскихъ“ свящ. П. Преображенскаго (Москва, 1862 г.) это посланіе, какъ подложное, не помѣщено.

3) V, 24, 11—18.

τεριὰς συμμετροῦσ: τὴν ἡμέραν αὐτῶν)“. Пасхальный постъ по этому мѣсту во время св. отца продолжался гдѣ день, гдѣ два, гдѣ еще дольше; гдѣ обнималъ промежутокъ времени въ 40 часовъ. Три изъ этихъ четырехъ датъ вполне ясны. Только послѣдняя выражена такъ, что допускаетъ, по крайней мѣрѣ допускала, другое пониманіе. Именно Руфинъ († 410), первый и древнѣйшій переводчикъ „исторіи“ Евсевія на латинскій языкъ, младшій современникъ самого автора ея, передаетъ послѣднюю фразу Иринея такъ: „нѣкоторые же 40, такъ что опредѣляютъ день считая часы дневные и ночные“. Слѣдовательно Руфинъ усматривалъ у Иринея здѣсь указаніе на 40-дневную продолжительность предпасхальнаго поста, достигая этого просто постановкой знака препинанія послѣ слова τεσσαράκοντα („сорокъ“) и видя въ послѣднихъ словахъ мысль о томъ, что постились не только въ теченіе дневныхъ часовъ, но и ночныхъ.

Сразу видно, что для такой мысли послѣднія слова Иринея давали бы очень странное и даже прямо невозможное выраженіе. Если св. отецъ хотѣлъ выразить мысль, что христіане постились не только до вечера, какъ то дѣлали евреи въ день очищенія, но продолжали постъ до поздней ночи, то долженъ былъ сказать, что христіане постились весь день и часть ночи. Къ чему здѣсь рѣчь о „часахъ“, если не указывается количество ихъ? Зачѣмъ странное выраженіе „исчисляють“ (бук. „соразмѣряють“)? Какой смыслъ имѣетъ прибавка „свой“ къ „день“? Да и возможно ли было поститься въ теченіе 40 дней по цѣлымъ суткамъ обыкновеннымъ смертнымъ. Въ житіяхъ свв. постниковъ разсказывается, какъ объ особенно рѣдкихъ явленіяхъ даже среди нихъ, о столь продолжительномъ постѣ, для котораго дѣйствительно нужна была сила духа, подобная Моисеевой, Илиной и Христовой.

Всѣ эти странности въ выраженіи св. Иринея отпадаютъ, если видѣть въ этомъ мѣстѣ рѣчь объ обычаяхъ нѣкоторыхъ христіанъ поститься предъ Пасхой не день и не два

или нѣсколько, а ровно 40 часовъ. Тогда какъ одни и большинство измѣряли (συμμετροῦσι) свой постъ днями, другіе измѣряли его часами, постясь за то не одну или нѣсколько такихъ единицъ времени, а символическое, освященное столькими высокими примѣрами поста—число 40 и замѣняя, по немоци своей, дни часами. Странныя для пониманія Руфина¹⁾ слова „часы“, „измѣряють“ получаютъ при настоящемъ пониманіи самый естественный смыслъ, равно какъ и выраженіе „день свой“: сорокочасовой постъ можетъ быть названъ однимъ днемъ поста, только днемъ своеобразнымъ („свой“). Кромѣ того, при такомъ пониманіи между практикою поста у разныхъ христіанъ (вѣроятно у христіанъ разныхъ помѣстныхъ церквей) не будетъ такой непроходимой разницы, какая была бы если бъ въ одномъ мѣстѣ постились одинъ, два или „больше“ дней, а въ другихъ цѣлыхъ 40. Самое слово „больше“ (πλεοναξ) въ сопоставленіи съ 1 и 2 не можетъ означать болѣе 3, 4 и т. д.

Такимъ образомъ въ постѣ временъ Иринаея мы видимъ уже основное зерно св. Четырнадцатницы. Тогда уже повсемѣстно существовалъ предпасхальный постъ, по времени и продолжительности своей соотвѣтствовавшій теперешнимъ Великимъ пятницѣ и субботѣ; по мѣстамъ даже этотъ постъ былъ еще длиннѣе и могъ доходить до цѣлой недѣли предъ Пасхой, соотвѣтствовавшей нынѣшней Страстной седмицѣ. Это и естественно было, чтобы Великій постъ начался съ установленія важнѣйшей части его Страстной седмицы. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ уже, что въ это время, такъ сказать, въ воздухѣ носится среди христіанъ и идея поста сорокадневнаго въ подражаніе посту Христову. Если такой постъ

---

¹⁾ Его пониманіе изъ новѣйшихъ историковъ Великаго поста разделяютъ *Probst* (*Kirchliche Disciplin in den drei ersten christlicheu Jahrhunderten*, 1873, S. 269—281), и *Weitzel* (*Die christliche Passafeier*, 1848). Но лучшіе археологи уже XVII вѣка и между ними упоминавшійся *Bingham* оспаривали пониманіе Руфина.

опредѣляется не въ 40 дней, а въ 40 часовъ, то это вслѣдствіе того, что, какъ увидимъ впослѣдствіи, тогда не представляли себѣ поста иначе, какъ въ видѣ полнаго неяденія, каковыми были посты и въ церкви ветхозавѣтной, этой матери по отношенію къ христіанской Церкви. Провести же совершенно безъ пищи болѣе двухъ—трехъ дней было небезопасно для здоровья.

Первый свидѣтель о предпасхальномъ постѣ, св. Иринея, какъ мы видѣли, застаеть этотъ постъ далеко немолодымъ. Онъ имѣеть уже общее распространеніе въ христіанской Церкви, тогда едва не охватывавшей самыя отдаленныя провинціи „всемирной“ имперіи. Для такого широкаго распространенія требовалось немалое время. Слѣдовательно первые зачатки этого поста, начало его, теряются для насъ въ священномъ мракѣ первыхъ двухъ вѣковъ христіанства.

Объ этомъ началѣ можно строить лишь догадки и предположенія, безъ которыхъ, впрочемъ, ни одна наука, и исторія въ томъ числѣ, обойтись не можетъ.

Одно незначительное явленіе церковной жизни II вѣка можетъ пролить намъ нѣкоторый свѣтъ на первое возникновеніе и первоначальную форму предпасхальнаго поста. Это тотъ самый споръ о времени празднованія Пасхи, по поводу котораго св. Иринея и писалъ свое посланіе. Споръ возникъ по поводу того, что, тогда какъ почти вся Церковь праздновала Пасху въ первый воскресный день послѣ еврейской пасхи, малоазійскіе христіане праздновали ее вмѣстѣ съ еврейской. Соблазнъ отъ такой разницы производился главнымъ образомъ, какъ рассказываетъ Евсевій въ своей „Исторіи“, тѣмъ обстоятельствомъ, что азійцы и постъ предпасхальный оканчивали въ тотъ (κατὰ ταύτην) день ¹⁾, съ котораго христіане, по Иринею, именно и начинали его.

¹⁾ V, 23, 1. „Κατὰ“ въ значеніи „въ“ при опредѣленіяхъ времени въ Мѣ. 27, 15. Дѣян. 16, 25.

Малоазійскіе христіане потому такъ упорно и отстаивали свою практику, не взирая на ея одиночность, что знали за ней глубокую, такъ сказать, незапамятную для нихъ древность. Между тѣмъ св. Поликарпъ Смирнскій († 167) застаеъ этотъ споръ въ такомъ разгарѣ, что изъ-за него предпринимаетъ путешествіе въ Римъ для возстановленія мира между церквами. Все это заставляетъ искать начала для празднованія пасхи не позднѣе, чѣмъ въ I вѣкѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пасхальный споръ II в. показываетъ, въ какой тѣсной связи съ празднованіемъ Пасхи стоялъ предпасхальный постъ. На самый праздникъ смотрѣли собственно, какъ на разрѣшеніе отъ поста. Въ этомъ отношеніи очень характерно, что во времена св. Епифанія Кипрскаго существовала одна вѣтвь четырнадцатидневниковъ (такъ названы были сторонники празднованія Пасхи вмѣстѣ съ евреями, 14 нисана, отколовшіеся изъ-за этого отъ Церкви; по-латыни—*quartodecimani*), которая однимъ днемъ—14 нисана—ограничивала и предпасхальный постъ, и самый праздникъ Пасхи. Если четырнадцатидневники II вѣка были правы въ своемъ спорѣ съ тогдашнею римскою церковью относительно древности своей практики, то возможно, что упоминаемая св. Епифаніемъ вѣтвь квартодецимановъ сохранила наиболѣе древнюю практику предпасхальнаго поста. Противъ такого предположенія ничего не можетъ говорить то обстоятельство, что Церковь осуждала квартодецимановъ, какъ еретиковъ (точнѣе, какъ раскольниковъ): она осудила ихъ не за вѣрность старинѣ, а за разрывъ изъ-за нея церковнаго единства. Ихъ постигла судьба нашихъ раскольниковъ...

За глубокую древность практики квартодецимановъ говорить ея крайняя простота. Когда естественнѣе всего было почтить смерть Христову постомъ, какъ не въ день этой смерти, и когда естественнѣе всего было праздновать Пасху христіанскую, какъ не въ день Пасхи ветхозавѣтной, прообразовавшей ее? У церковныхъ писателей II—III вѣковъ замѣчается (какъ увидимъ ниже) странное употребленіе слова

„пасха“: пасхою они называютъ предпасхальный постъ. Это словоупотребленіе можно объяснить только, какъ отголосокъ того времени, когда чествованіе смерти и воскресенія Христа происходило въ одинъ день, потому что невозможно предполагать, чтобы Церковь когда-либо могла имѣть двѣ Пасхи въ году. Больше того: даже въ нынѣшнемъ церковномъ уставѣ есть слѣды такого соединенія лишь на первый взглядъ несоединимыхъ вещей. Величайшимъ изъ дней Векаго поста, а слѣдовательно и печальнѣйшимъ изъ нихъ является, конечно, Великая пятница, а слѣдующимъ за нимъ въ этомъ отношеніи—Великая суббота, единственная суббота въ году, въ которую положенъ постъ, даже въ формѣ сухояденія, и литургія совершается послѣ вечерни (т. е. по идеѣ совсѣмъ не совершается въ этотъ день, такъ какъ съ вечерни начинается слѣдующій церковный день). И вотъ въ первый изъ этихъ величайшихъ постныхъ дней, въ Великую пятницу совершается вечерня совершенно праздничнаго типа (со входомъ, съ праздничнымъ порядкомъ ектеній: сначала сугубая, а послѣ просительная), притомъ даже самага вышшаго изъ праздничныхъ типовъ—съ чтеніемъ апостола и евангелія, что дѣлается на вечерняхъ только трехъ величайшихъ праздниковъ церковнаго года: Пасхи, Рождества Христа и Крещенія. Утреня же Великой субботы не только праздничнаго типа (великое славословіе), но по своей торжественности уступаетъ въ теченіе года только пасхальной утренѣ; кромѣ того на ней поется цѣлый рядъ воскресныхъ пѣсней: тропарь „Егда снизшелъ еси“, тропари: „Ангельскій соборъ“, воскресный сѣдаленъ „Гробъ Твой, Спасе“, и два воскресныхъ прокимна и аллилуіарій изъ стиховъ 67 псалма „Да воскреснетъ Богъ“. Все это можно считать отголоскомъ той древней церковной практики, когда празднованіе Пасхи совершалось въ вечеръ того дня, который былъ постомъ въ воспоминаніе распятія Господня и который весь назывался Пасхой. Пасха, слѣдовательно, была тогда полупечальнымъ, полурадостнымъ торжествомъ, иначе сказать на-

столько же радостнымъ, насколько печальнымъ; какова была и вся жизнь тогдашнихъ христіанъ, мѣшавшихъ слезы небесной радости о Богѣ со слезами нестерпимаго земного горя.

Иною и не могла быть первоначальная Пасха христіанъ, какъ этимъ соединеніемъ поста и радости въ одинъ день. Легко представить себѣ, что должны были чувствовать первые христіане, еще не оставившіе еврейскихъ праздниковъ, при наступленіи 14 нисана. Воспоминанія столько же грустныя, сколько радостныя и свѣтлыя должны были тѣсниться въ этотъ день въ ихъ души. Образъ Распятаго въ этотъ день смѣнялся образомъ Воскресшаго съ словомъ „радуйтесь“ на устахъ. Пасхальный агнецъ напоминалъ закланнаго на крестѣ Агнца Божія. Хотѣлось вмѣстѣ и плакать, поститься, и радоваться, торжествовать. Въ тѣ часы этого дня, когда Божественный Страдалецъ истаивалъ въ предсмертныхъ мукахъ на крестѣ, естественно было поститься; подъ вечеръ же дня, когда Онъ почилъ отъ дѣлъ новотворенія и началъ Свое субботствованіе во гробѣ, прилично было, какъ оно и теперь дѣлается въ Православной Церкви, начать радость воскресенія.

Итакъ, вотъ наиболѣе древнее, по всей вѣроятности, зерно Великаго поста: тѣ нѣсколько часовъ 14 нисана, въ которые Спаситель висѣлъ на крестѣ. Этимъ предположеніемъ хорошо объяснялось бы и то, почему при св. Иринеѣ нѣкоторые „измѣряли“ предпасхальный постъ часами. Такъ какъ апостолы праздновали іудейскіе праздники, то въ такомъ видѣ начало этому посту могло быть положено и ими. Отсюда всегдашнее убѣжденіе Церкви въ апостольскомъ происхожденіи этого поста.

Вторымъ по древности свидѣтельствомъ о предпасхальномъ постѣ являются три мѣста изъ сочиненій Тертуллиана († 220 г.). Сдѣлавшись монтанистомъ, Тертуллианъ написалъ въ защиту монтанистовъ, которыхъ православные обвиняли между прочимъ въ установленіи новыхъ, не преданныхъ отъ

отцовъ постовъ и при томъ продолжительныхъ (съ тенденціей къ усиленію церковной дисциплины), специальное сочиненіе „О постахъ“. Въ немъ онъ между прочимъ въ защиту монтанистовъ говоритъ, что посты не чужды и церковнымъ христіанамъ. „Они думаютъ, что въ самомъ Евангеліи назначены для поста тѣ дни, въ которые „отнять былъ Женихъ“; и только эти дни считаютъ они законными днями поста христіанскаго“¹⁾; „но“, замѣчаетъ полемистъ въ другомъ мѣстѣ своего труда, „я нахожу васъ постящимися и помимо Пасхи сверхъ (citra) тѣхъ дней, въ которые отнять Женихъ: вы соблюдаете и полупосты стояній (stationum, т. е. среды и пятницы), а иногда довольствуетесь хлѣбомъ и водою, какъ кому угодно; вы, конечно, скажете, что это нужно дѣлать по произволенію, а не по приказанію“²⁾. Въ сочиненіи „О молитвѣ“, написанномъ въ домонтанистическій періодъ, Тертуліанъ замѣчаетъ, что обычное лобзаніе другъ съ другомъ послѣ молитвы „мы справедливо оставляемъ въ день Пасхи, въ который установленъ общій и какъ бы общественный постъ“³⁾. Во всѣхъ трехъ мѣстахъ у Тертуліана явно рѣчь о постѣ предпасхальномъ или, какъ его точнѣе слѣдовало назвать по тогдашней терминологіи, постѣ пасхальномъ, который падалъ на день пасхи іудейской, день смерти Христовой; эту пасху, проводимую въ постѣ, впоследствии стали отличать отъ пасхи воскресенія подъ именемъ „крестной“. Но постъ не ограничивался однимъ днемъ смерти Христовой, а продолжался нѣсколько дней. Тертуліанъ не называетъ числа этихъ дней, но указываетъ принципъ для количества ихъ. Этотъ принципъ не только даетъ возможность точно установить продолжительность пасхальнаго поста, но и освѣщаетъ передъ нами тѣ основанія, какія находила тогдашняя Церковь въ самомъ евангеліи для этого поста и

¹⁾ De jejun. с. II.

²⁾ С. XIII.

³⁾ De orat. с. XIV.

которыя, слѣдовательно, и побудили ее къ установленію его. Одному Тертуллиану обязаны мы сохраненіемъ для насъ этой драгоценной справки изъ внутренней исторіи Великаго поста, и его свидѣтельство для насъ тѣмъ важнѣе, что относится къ тому раннему періоду этой исторіи, когда въ сознаніи Церкви не могла не быть еще очень свѣжей память объ установленіи поста.

Отъ Тертуллиана мы узнаемъ, что общепризнаннымъ основаніемъ для храненія предпасхальнаго поста въ его время, а, слѣдовательно, и самымъ вѣроятнымъ мотивомъ для сравнительно такъ недавняго установленія его, были слова Христовы въ отвѣтъ на упрекъ отъ Іоанновыхъ учениковъ Ему за отсутствіе въ Его св. общинѣ какихъ-либо постовъ: „могутъ ли печалиться сыны чертога брачнаго, пока съ ними женихъ; но придутъ дни, когда отнимется у нихъ женихъ, и тогда будутъ поститься“ (Мѡ. 9, 15). Понимая съ трогательной простотой и буквальнойностью подъ „днями, въ которыхъ былъ отнять Женихъ“ отъ апостольской Церкви небольшой промежутокъ времени, протекшій отъ смерти Спасителя до Его воскресенія, и пришли къ мысли поститься тогда. Этотъ промежутокъ времени не могъ быть болѣе двухъ дней, и то неполныхъ, такъ какъ Христосъ умеръ подъ вечеръ пятницы, а въ субботу ночью воскресъ. А по количеству часовъ этотъ промежутокъ почти отвѣчаетъ тѣмъ 40 часамъ, которыми, по свѣдѣніямъ св. Иринея, въ нѣкоторыхъ церквахъ ограничивали продолжительность предпасхальнаго поста.

Мы видимъ, что Тертуллианъ не знаетъ еще настоящей, въ собственномъ смыслѣ слова, четырехдесятицы, а только такой же небольшой зачатокъ ея, какъ и Иринея. Можно сказать и болѣе: предпасхальный постъ у Тертуллиана и не болѣе продолжительный, чѣмъ у Иринея, и не болѣе, чѣмъ у него, установившійся. Правда, Тертуллианъ не указываетъ продолжительности предпасхальнаго поста. Это умолчаніе его находятъ возможнымъ объяснить въ томъ смыслѣ, что у пра-

вославныхъ, съ которыми онъ полемизировалъ, уже существовала Четырдесятница; иначе онъ, какъ монтанистъ и обвинитель ихъ, не преминулъ бы поставить въ упрекъ своимъ противникамъ отсутствіе ея ¹⁾. Этотъ аргументъ, справедливо замѣчаетъ новѣйшій нѣмецкій историкъ Великаго поста *Функъ* ²⁾, переворачиваетъ вверхъ дномъ положеніе дѣла. Если Тертуллиану нужно было предъ короткими церковными постами оправдать болѣе продолжительные монтанистическіе, то онъ долженъ былъ указать на самую длинную практику, какая гдѣ-либо существовала, и уже никакъ не могъ оставить безъ упоминанія никакой церкви, если бы она тогда имѣла уже сорокадневный постъ; противниковъ своихъ онъ проще и быстрѣ всего поразилъ бы, сдѣлавъ такое замѣчаніе: практика поста у монтанистовъ, которыхъ обвиняютъ въ незаконномъ новшествѣ, не идетъ такъ далеко, какъ церковная, такъ какъ ихъ постъ продолжался только двѣ недѣли (у монтанистовъ предпасхальный постъ былъ двухнедѣльнымъ), а въ Римѣ—40 дней.

Если свидѣтельство Иринея можетъ говорить о практикѣ *малоазійскихъ* церквей въ отношеніи предпасхальнаго поста, а свидѣтельство Тертуллиана о такой же практикѣ *римской* и *африканской* церквей, то два другихъ памятника открываютъ намъ положеніе дѣла еще въ двухъ большихъ областяхъ тогдашняго христіанскаго міра, давая такимъ образомъ возможность обнять его весь въ интересующемъ отношеніи. вмѣстѣ съ тѣмъ эти памятники, будучи моложе разсмотрѣнныхъ на нѣсколько десятилѣтій, знакомятъ насъ съ дальнѣйшей стадіей развитія предпасхальнаго поста, когда онъ изъ

¹⁾ Katholik 1892, I, 45-e.

²⁾ *Funk I. X. Kirchengeschichtliche Abhandlungen und Untersuchungen*, 1 Band., Paderborn 1897. Съ выводами Функа своевременно познакомилъ русскую публику г. А. Петровскій статьей своей въ „Христ. Чтеніи“ 1900 г. апр. „Предпасхальный постъ въ исторіи его развитія“ (стр. 587—600).

двух-трехдневнаго распространился на всю недѣлю предъ Пасхой.

Болѣе раннее изъ этихъ новыхъ свидѣтельствъ о постѣ находится въ недавно открытомъ памятникѣ, носящемъ заглавіе „Апостольское наставленіе“ (*Διδαχαλία*), сохранившемся на сирійскомъ и въ половинѣ своей на латинскомъ языкѣ и появившемся въ *Сирии* предъ серединой III-го вѣка, можетъ быть, въ первой четверти его. О почтенной древности и авторитетѣ этого памятника можетъ свидѣтельствовать то обстоятельство, что, по предположенію изслѣдователей его, онъ лежитъ въ основѣ 6 первыхъ книгъ такъ называемыхъ „Апостольскихъ постановленій“ (*Constitutiones*), которыя являются переработкой его. О предпасхальномъ постѣ памятникъ говоритъ: „отъ десятаго [числа луннаго мѣсяца], которое есть второй день недѣли [понедѣльникъ], въ дни Пасхи будете поститься, и хлѣбъ, и соль, и воду одну употребляйте въ часъ девятый, и такъ до пятаго дня недѣли [четверга]; пятницу же и субботу цѣлую поститесь, ничего не вкушая“. 18 глава V книги Апостольскихъ постановленій, по предположенію ученыхъ, и является переработкой этого мѣста: въ качествѣ дозволенной для первыхъ дней Страстной седмицы пищи она присоединяетъ еще овощи ¹⁾).

Желаніе этого памятника освятить авторитетомъ апостоловъ наличную практику поста можетъ свидѣтельствовать о томъ, что она была во всякомъ случаѣ не недавняя, хотя, можетъ быть, и не общепризнанная.

Въ богатой и изнѣженной *Александрии*, повидимому, съ меньшей строгостью хранился этотъ, тогда еще только однонедѣльный, предпасхальный постъ и съ большимъ трудомъ оттѣснялъ прежнюю, болѣе легкую, практику. Діонисій Великій, епископъ Александрійскій († 264—265 г.), былъ запрошенъ епископомъ Василидомъ, когда нужно оканчивать

¹⁾ *Funk*. Die apostolischen Constitutionen, 1891, S. 50—54 и цитов. соч. 250.

пасхальный постъ, вечеромъ ли въ субботу, или утромъ въ воскресенье при пѣніи пѣтуха, какъ это дѣлается въ Римѣ. Высказавши свой взглядъ на различные сроки для конца поста, александрійскій епископъ прибавляетъ: „и шесть дней поста соблюдаются не всѣми равно и одинаково; ибо одни проводятъ всѣ дни безъ пищи, а иные ни одного; тѣмъ, которые весьма ослабѣли отъ продолжительнаго поста и почти погибають отъ изнеможенія, простительно болѣе раннее вкушеніе пищи; но если иные четыре предшествующіе дня поста не только не постились безъ перерыва, но и вообще не постились и даже роскошничали и потомъ, когда наступаютъ послѣдніе два дня, ихъ, т. е. пятницу и субботу, непрерывно постятся и думаютъ, что дѣлають нѣчто великое и славное, если воздерживаются до утра, то я думаю, что они не были въ такомъ подвигѣ, которые упражнялись нѣсколько дней раньше“ ¹⁾. Мѣсто показываетъ, что въ Египтѣ, какъ и въ Сиріи, тогда постились уже цѣлую недѣлю предъ Пасхой, Страстная седмица уже образовалась; но что подлѣ большой строгости въ пощеніи этой седмицы шла и вольность въ соблюденіи ея. То обстоятельство, что Діонисій не осуждаетъ прямо этой послѣдней практики, хотя далеко и не сочувствуетъ ей, показываетъ, что постъ во всю седмицу еще не получилъ законообязательной силы, что для этого онъ былъ еще слишкомъ новъ. Тѣмъ меньше могла быть рѣчь о сорокадневномъ постѣ предъ Пасхою въ это время.

Между тѣмъ современникъ и согражданинъ Діонисія знаменитый Оригенъ († 254 г.) говоритъ именно о сорокадневномъ постѣ предъ Пасхою. Это свидѣтельство находится въ 10 бесѣдѣ его на книгу Левить, комментарий на которую, какъ и большинство твореній великаго александрійца, дошеть до насъ не въ подлинникѣ, а въ латинскомъ переводѣ вышеупомянутаго Руфина.

¹⁾ Migne, Patrologiae cursus completus, s. gr. 10, 1278.

Указавъ на необязательность іудейскихъ постовъ для христіанъ и сославшись въ подтвержденіе этого на Мѡ. 9, 15, Оригенъ продолжаетъ: „итакъ іудеи постятся, потому что они лишились Жениха (Христа); мы же, имѣя Жениха, не можемъ поститься. Говоримъ это не къ тому, чтобы ослабить удила христіанскаго воздержанія. Ибо и мы имѣемъ дни Четырдесятницы, посвященные посту. Имѣемъ четвертый и шестой дни седмицы (среду и пятницу), въ которые обыкновенно постимся. Христіанину и во всякое время предоставляется свобода поститься, не изъ-за суевѣрія относительно храненія поста, но изъ-за добродѣтели воздержанія“¹⁾.

Мѣсто не оставляло бы никакихъ сомнѣній въ существованіи при Оригенѣ Четырдесятницы, если бы не два обстоятельства: а) молчаніе о ней столь близкаго къ настоящему свидѣтелю по мѣсту и времени Діонисія и б) переходъ къ намъ документа чрезъ руки Руфина. Руфинъ былъ очень вольный переводчикъ, въ чемъ не только сознается, но и неоднократно предупреждаетъ читателя, напр., въ предисловіи къ переводу сочиненія Оригена „*Περὶ ἀρχῶν*“. А въ послѣсловіи къ переводу Оригенова комментарія на посланіе къ Римлянамъ онъ замѣчаетъ о своемъ трудѣ: „мы восполняемъ то, что Оригеномъ сказано для Церкви его времени не столько въ цѣляхъ изъясненія, сколько въ цѣляхъ назиданія, какъ дѣлали мы и въ гомиліяхъ или словахъ на Бытіе и Исходъ; *особенно же въ гомиліяхъ на книгу Левитъ*, что было имъ сказано для красоты стилия, мы для ясности передаемъ прямымъ языкомъ; этотъ трудъ восполненія недостающаго мы предприняли съ тѣмъ, чтобы латинскому читателю не доставляли затрудненій вопросы поднятые и оставшіеся нерѣшенными, какъ обыкновенно поступаетъ Оригенъ по требованіямъ гомилетическаго искусства“. Разъ въ основу перевода клались такія начала, то, какъ замѣчаетъ издатель

¹⁾ Тамъ же, 12, 528.

Оригена въ Патрологіи Миня, читатель не можетъ быть никогда увѣренъ, читаетъ ли онъ Оригена или Руфина ¹⁾).

Правда, и столь широкая свобода перевода не должна бы простираться на такія чисто фактическія данныя у Оригена, какъ указаніе на существованіе въ его время поста. Но тутъ невольно припоминается Руфиновъ переводъ Иринеєвыхъ словъ о 40 часахъ поста... Кромѣ того въ выраженіи „посвященные посту дни Четырдесятницы“ обращаютъ вниманіе также на неумѣстную витіеватость фразы, не отвѣчающей простотѣ слѣдующей за нею: „постимся и въ среду и въ пятницу“ ²⁾. А главное, какимъ образомъ о Четырдесятницѣ не упоминаетъ Діонисій?

Тѣмъ не менѣе рѣшительно настаивать на интерполяціи Руфина въ данномъ мѣстѣ было бы рисковано. Изъ затрудненія же, создаваемого разногласіемъ по данному пункту между Оригеномъ и Діонисіемъ, есть очень простой выходъ. У Оригена было два отечества — кромѣ Египта и Александріи — Палестина и Кесарія. Столько проживъ въ послѣднихъ, онъ не только могъ хорошо знать всю церковную практику Св. Земли, но привыкнуть и освоиться съ ней и оцѣнить ее. Между тѣмъ о практикѣ въ отношеніи поста, какъ разъ именно Іерусалимской церкви въ этотъ періодъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній, имѣя ихъ о всѣхъ окружающихъ церквахъ. Почему же не признать такимъ свидѣтелемъ объ этой практикѣ Оригена?

Въ началѣ IV вѣка, какъ увидимъ далѣе, мы находимъ постъ св. Четырдесятницы получившимъ всеобщее распространеніе по христіанскому міру. Помѣстными соборами изрекаются прещенія на несоблюдающихъ его. Для такого широкаго распространенія института требовались время и авторитетъ. Какого-нибудь десятилѣтія здѣсь недостаточно было.

¹⁾ Тамъ же, 395.

²⁾ Фувкъ думаетъ, что у Оригена здѣсь была рѣчь о сорокадневномъ постѣ Спасителя. Kirchengesch. Abhand. u. Untersuch. 254.

Нужны были долгія сношенія между церквами, чтобы сорокадневный постъ утвердился всюду на мѣсто привычнаго и болѣе легкаго недѣльнаго или даже двухдневнаго. Съ другой стороны нужна была инициатива въ этомъ дѣлѣ не любой церкви, а особенно вліятельной, а главное находившейся въ живомъ и постоянномъ общеніи съ другими. Такою въ то время и была „мать церквей“, *Иерусалимская Церковь*. И гдѣ легче всего могла возникнуть идея сорокадневнаго поста послѣ Крещенія и до Пасхи, какъ не на берегахъ Иордана у подножія суровой горы Карантаня, съ которою преданіе связываетъ постъ Спасителя?

Отъ второй половины III вѣка мы имѣемъ и еще одно свидѣтельство о сорокадневной продолжительности предпасхальнаго поста, касающееся не менѣе вліятельной, чѣмъ Иерусалимская, церкви, именно церкви Римской. То-такъ называемые „Каноны св. Ипполита“ (канонъ 20-й). Ипполитъ былъ или папою, или епископомъ гавани римской и пострадалъ около половины III в. ¹⁾. Но его „Каноны“ спорный памятникъ. Сохранились они до насъ въ сильно интерполированномъ арабскомъ переводѣ; но судя по тому, что они лежатъ въ основѣ такъ называемыхъ „Египетскихъ канонѣ“, памятника до-константиновскаго времени, есть основаніе считать ихъ если не подлинными Ипполитовыми, то во всякомъ случаѣ памятникомъ церковной практики половины III в. ²⁾.

Итакъ отъ III вѣка мы имѣемъ два свидѣтельства за сорокадневную продолжительность предпасхальнаго поста, — свидѣтельства, если не совершенно неоспоримыя, то очень достовѣрные.

¹⁾ *Serвій* архіеп. Полный мѣсяцесловъ востока, т. II, изд. 2, Владиміръ 1901, стр. 44 „Примѣчаній“.

²⁾ *Möhler. W.* Lehrbuch der Kirchengeschichte, Tübing. u. Leipz. 1902 I. B., S. 331. Функъ считаетъ этотъ памятникъ моложе „Апостольскихъ Постановленій“.

Съ полною несомнѣнностью древніе памятники говорятъ о сорокадневномъ постѣ предъ Пасхою только съ начала IV вѣка.

И первое по времени такого рода свидѣтельство есть тоже случайное, какъ и всѣ доселѣшнія,—упоминаніе о ней въ 5 правилѣ Никейскаго собора. Это правило назначаетъ для одного изъ двухъ соборовъ, которые должны ежегодно бывать въ каждой церкви, время „предъ Четырдесятницей“ (про τεσσαρακοστής), указывая въ качествѣ основанія для такого срока, «чтобы по устраненіи всякаго разномыслія ¹⁾ былъ приносимъ Богу чистый даръ».

Историческій критицизмъ подкапывается, впрочемъ, и подъ это, казалось бы, такъ несомнѣнное свидѣтельство. Выставляемое соборомъ основаніе, говорятъ, не идетъ къ обосновываемому. „Принесеніе чистаго дара“ можетъ скорѣе означать безкровную жертву и причащеніе, чѣмъ постъ. Поэтому возникаетъ вопросъ, не нужно ли поставить здѣсь вмѣсто „Четырдесятницы“—„Пятидесятницу“. Антиохійскій соборъ 341 г. назначаетъ для провинціального собора дѣйствительно Пятидесятницу, именно 4-ю недѣлю ея... И этотъ срокъ позднѣе всюду оказывается общепринятымъ. При немъ между осеннимъ соборомъ (въ октябрѣ) и весеннимъ не было бы и такого малаго промежутка, и два собора были бы равномернѣе распредѣлены во времени.

Но если бы и признать эти сомнѣнія въ неповрежденности 5 правила Никейскаго собора состоятельными, то цѣлый рядъ свидѣтельствъ ближайшаго, непосредственно слѣдующаго времени не оставляютъ никакого сомнѣнія въ существованіи Четырдесятницы во времена 1-го вселенскаго собора. Евсевій Кесарійскій († ок. 340 г.) пишетъ: „мы празднуемъ Пасху, принимая на себя сорокадневный подвигъ для приготовленія къ ней“; „до Пасхи мы 6 недѣль укрѣп-

¹⁾ Слав. пер.: „неудовольствія“.

ляемъ себя сорокадневнымъ постомъ¹⁾. Аѳанасій Великій († 373) упоминаетъ о Четырешатнищѣ въ пасхальномъ посланіи 330 года и въ другихъ сочиненіяхъ²⁾. Неоднократно упоминаетъ о ней и св. Кириллъ Іерусалимскій († 386 г.)³⁾. Говоритъ о ней Лаодикійскій соборъ ок. 360 г. и св. Епифаній Кипрскій ок. 375 г.⁴⁾.

Это—на Востокѣ. На Западѣ первое свидѣтельство о ней находимъ только у св. Амвросія Медиоланскаго († 397 г.)⁵⁾. Нѣсколько позднѣе о ней говорятъ бл. Іеронимъ и Августинъ. У послѣдняго есть рядъ поученій на время ея. То обстоятельство, что на Западѣ свидѣтельства о Четырешатнищѣ начнутся позднѣе, чѣмъ на Востокѣ, знаменательно. Оно можетъ говорить за то, что сорокадневная продолжительность для предпасхальнаго поста тамъ принята позднѣе. Правда, Никейскій соборъ говоритъ о Четырешатнищѣ, какъ общеизвѣстномъ установленіи; но этотъ соборъ, хотя и вселенскій, состоялъ преимущественно изъ восточныхъ епископовъ. Но о западной практикѣ поста нужно говорить отдѣльно, такъ какъ съ самаго установленія тамъ Четырешатнищы Западъ пошелъ совершенно по другой дорогѣ въ разработкѣ и развитіи этого поста.

Переходъ отъ недѣльнаго поста къ сорокадневному былъ не такъ простъ и легко, чтобы могъ совершиться скоро и легко. Если свидѣтельство Оригена о Четырешатнищѣ и „Каноны Ипполита“ подлинны, то отъ первыхъ извѣстій о предпасхальномъ постѣ такой продолжительности до повсемѣстнаго распространенія Четырешатнищы прошло три четверти столѣтія.

1) De solenn. pasch. cap. 4, 5. Migne, s. gr. 24, 697.

2) Окруж. посл. къ еписк. гл. 4. Аполог. къ Констан. гл. 15.

3) Огласит. сл. 4. Тайновод. 4.

4) Излож. вѣры гл. 21.

5) De Noe et arca c. 4; De Elia et jejun c. 10.

Нѣсколько бѣглыхъ замѣчаній у писателей тогдашняго времени бросають нѣкоторый свѣтъ на это постепенное распространіе. Историкъ Сократъ (род. въ концѣ IV в.) въ своей „Церковной исторіи“ говоритъ: „Постъ предъ Пасхою въ разныхъ мѣстахъ соблюдается различно; именно въ Римѣ предъ Пасхою постятся непрерывно три недѣли, кромѣ субботы и дня Господня; а въ Иллиріи, во всей Греціи и Александріи держатъ постъ шесть недѣль до Пасхи и называютъ его Четырдесятницею; другіе же начинаютъ поститься за семь недѣль до праздника“ ¹⁾. Младшій современникъ Сократа Созомень въ своей Исторіи, сильно зависимой отъ Сократовой, повторяетъ это мѣсто изъ книги своего предшественника, но съ характерными добавленіями и измѣненіями: „Предшествующую празднику Пасхи такъ называемую Четырдесятницу, въ которую народъ постится, одни считаютъ въ шесть недѣль, напр., иллирійцы и христіане, живущіе на западѣ, вся Ливія и Египеть съ Палестиною, другіе въ семь, какъ жители Константинополя и окрестныхъ мѣстъ до Финикии; въ продолженіе этихъ шести или свыше недѣль нѣкоторые постятся три недѣли съ промежутками, другіе три недѣли сряду предъ праздникомъ, а иные только двѣ, какъ, напр., послѣдователи Монтана“ ²⁾.

То и другое свидѣтельства относятся къ тому времени, задолго до котораго цѣлый рядъ свидѣтельствъ, какъ мы видѣли, устанавливаетъ повсемѣстное распространіе Четырдесятницы въ христіанскомъ мірѣ. Слѣд., и въ это время Четырдесятница не только далеко не опредѣлилась вполне, но и не получила общаго признанія. По мѣстамъ вмѣсто нея существовалъ постъ, занимавшій по продолжительности какъ разъ середину между древнимъ короткимъ, отъ 1 до 6 дней, предпасхальнымъ постомъ и Четырдесятницей, именно постъ двадцатидневный. При этомъ характерно, что послѣд-

¹⁾ Кн. V, гл. 22.

²⁾ Кн. VII, гл. 19.

няго рода постъ имѣеть мѣсто на Западѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, свидѣтельства о Четырдесятницѣ значительно опаздываютъ сравнительно съ Востокомъ. Отсюда есть нѣкоторое право заключить, что и вездѣ постъ меньшей продолжительности посредствовалъ переходъ отъ недѣльнаго поста къ сорокадневному. Знаменательно и то, что Созоменъ уже не называетъ въ качествѣ сторонниковъ трехнедѣльнаго поста Запада и въ частности Рима, хотя практика такого поста еще извѣстна ему. Возможно, что къ его времени Четырдесятница еще дальше оттѣснила прежнюю болѣе легкую, но и мѣнѣе цѣнную практику¹⁾.

Но Сократъ и Созоменъ сохранили для насъ только отдаленные отголоски къ ихъ времени уже почти завершившагося распространенія Четырдесятницы. Между тѣмъ до насъ дошелъ документъ, такъ сказать бывшій живымъ свидѣтелемъ постепеннаго утвержденія сорокадневнаго поста на мѣстѣ прежняго болѣе короткаго въ одной изъ виднѣйшихъ церквей древности. То такъ называемыя „пасхальныя посланія“ св. Аѳанасія Александрійскаго, современника того самого Никейскаго собора, одинъ изъ каноновъ котораго считается первымъ по времени достовѣрнымъ свидѣтельствомъ о Четырдесятницѣ. Въ первомъ изъ этихъ посланій 329 года совершенно не упоминается Четырдесятница, и начало „святого поста“ приурочивается къ понедѣльнику Страстной седмицы. Такъ какъ четвертое и пятое посланія 332—333 г. тоже предполагаютъ

---

¹⁾ Авторъ „Историческаго разсужденія о постахъ православной, восточной, католической Церкви (Москва 1837 г.)“ заподозриваетъ свидѣтельства Сократа и Созомена о различной продолжительности въ ихъ время предпасхальнаго поста въ неточности и даже въ намѣренномъ искаженіи истины, объясняя послѣднее расположеніемъ къ новаціанству: „нимъ не могли нравиться положительные уставы Церкви; отсюда-то конечно произошло, что сочтено нужнымъ намѣренно и съ усиліемъ изыскивать различіе въ обрядахъ Церкви и при семъ мѣшать полуистину съ правдою или съ ложью“ (стр. 17). Но изъ установленій Церкви новаціанамъ, тогдашнимъ ригористамъ христіанства, меньше всего могъ не нравиться сорокадневный постъ.

этотъ порядокъ, тогда какъ въ двухъ предшествующихъ (2 и 3) имѣетъ мѣсто подлѣ или предъ Страстной недѣлей и Четырдесятница, то изъ перваго письма нельзя заключать, что Четырдесятница въ Египтѣ тогда еще не была извѣстна. Колебаніе показываетъ только, что тамошняя церковь находилась въ стадіи перехода отъ прежняго порядка къ новому. Такому предположенію сообщаетъ уже полную достовѣрность посланіе св. Аѳанасія къ Серапіону, присоединенное къ 11-му пасхальному посланію и написанное въ 340 году изъ Рима. Тмуисскому епископу, которому на время отсутствія александрійскаго архіепископа поручено было наблюдене за всею египетскою церковью, въ этомъ посланіи предлагается „объявить братьямъ сорокадневный постъ и присоединить увѣщаніе къ нему, чтобы, когда весь міръ посетится, мы одни, живущіе въ Египтѣ, не подвергались насмѣшкамъ за непощеніе и за то, что въ эти дни предаемся радости“. Въ 19-мъ посланіи отъ 346 года соблюденіе Четырдесятницы св. Аѳанасій уже представляетъ необходимымъ условіемъ къ достойному празднованію Пасхи, говоря: „кто пренебрегаетъ Четырдесятницей, кто какъ бы безъ вниманія и нечистымъ вступаетъ во святое святыхъ, тотъ не празднуетъ праздника Пасхи“ 1).

Было въ жизни Церкви III-го вѣка нѣсколько явленій, которыя могли побудить её удлинить предпасхальный постъ до 40 дней.

Первымъ изъ такихъ явленій было сильное развитіе въ этотъ вѣкъ отшельничества. Египетскіе, палестинскіе и сирійскіе отшельники впервые воочію и въ поразительныхъ размѣрахъ показали всему міру, какія чудеса можетъ сдѣлать надъ душою постъ, поспѣшествуемый тѣми благодатными вліяніями, какія имѣетъ на человѣка христіанство и какихъ лишены были языческія религіи, покровительствовавшія по-

1) *Funk*, Kirchengesch. Abhandl. u. Untersuch. 264.

сту. Церковь убѣдилась на живыхъ примѣрахъ, какимъ могучимъ орудіемъ благодатнаго воздѣйствія и возрожденія владѣть она въ видѣ поста. Естественно, что она пришла къ мысли возможно шире использовать это мало до сихъ поръ примѣнявшееся средство нравственнаго воспитанія.

Между тѣмъ обстоятельства времени и съ другой стороны направили вниманіе Церкви на это средство. То были тѣ же обстоятельства, которыя вызвали и самое отшельничество съ его постничествомъ. Именно: ослабленіе прежней христіанской ревности. Еще преп. Іоаннъ Кассіанъ († 435) такъ объяснялъ установленіе Четыредесятницы: „нужно знать, что это установленіе, Четыредесятница, пока въ Церкви оставалось нетронутымъ первобытное совершенство, совсѣмъ не существовало. Ибо тѣ, которые на всемъ протяженіи года ограничивали себя одинаковымъ постомъ, не стѣсняли себя тѣсными рамками поста по требованію правила или по какой-либо санкціи закона. Но съ теченіемъ времени большинство вѣрующихъ, ослабѣвъ въ этомъ апостольскомъ рвеніи, ежедневно стали предаваться своимъ дѣламъ и не дѣлились своимъ имуществомъ со всѣми вѣрными сообразно съ установленіями апостоловъ, и, въ заботахъ исключительно о своихъ потребностяхъ, стремились не сохранять имущество только, подобно Ананіи и Сапфирѣ, но умножать его; тогда-то всѣ пастыри рѣшили призвать людей; связанныхъ житейскими заботами и почти (какъ я сказалъ) не знавшихъ воздержанія и покаянія, призвать къ святому дѣлу каноническимъ установленіемъ постовъ и потребовать принужденіемъ какъ бы законную десятину“¹⁾.

Болѣе непосредственной и конкретной причиной удлиненія предпасхальнаго поста былъ такъ называемый катехуменать, т. е. обычай долгаго и торжественнаго приготовленія ко крещенію желающихъ принять оное. Уже „Ученіе 12 апостоловъ“ требуетъ поста не только отъ готовящагося

¹⁾ Collatio XXI, cap. 30.

ко крещенію, но и отъ Церкви, принимающей его въ свои нѣдра: „предъ крещеніемъ пусть постятся крещающій и крещаемый, и, если могутъ, нѣкоторые другіе; но крещающемуся прикажи, чтобы онъ напередъ постился день или два“¹⁾. О такомъ постѣ предъ крещеніемъ говоритъ и св. Іустинъ мученикъ: по нему, отъ готовящихся ко крещенію „требуется, чтобы они молились постясь и просили у Бога отпущенія прежнихъ грѣховъ; и мы вмѣстѣ съ ними молимся и постимся“²⁾. Извѣстныя огласительныя слова св. Кирилла Іерусалимскаго произнесены во время Четырдесятницы. 4-й Кароагенскій соборъ (399 г.) предписываетъ, чтобы имѣющіе креститься „по нареченіи имени воспринимали крещеніе не сразу, а по долгомъ воздержаніи отъ вина и мяса, по возложеніи рукъ, и частомъ испытаніи“³⁾. Здѣсь нѣтъ указанія на сорокадневный срокъ такого подготовленія; но папа Сирицій († 398 г.) въ одномъ письмѣ замѣчаетъ, что крещаемымъ давалось имя именно за 40 дней до крещенія, и все это время они очищались заклинаніями, ежедневными молитвами и постами⁴⁾. Въ теперешнемъ богослужебномъ уставѣ есть цѣлый рядъ слѣдовъ такого назначенія Четырдесятницы: ровно съ половины ея, со среды 4-й недѣлѣ поста, произносится на преждеосвященной литургіи кромѣ обычной ектеніи объ оглашенныхъ еще особая ектенія о „иже къ просвѣщенію (т. е. ко крещенію) готовящихся“⁵⁾; въ Великую субботу и всю недѣлю Пасхи поется вмѣсто Трисвятаго „Елицы во Христа креститесь“; апостоль на литургіи въ Великую субботу изъ чина крещенія; и паремій на этой литургіи, между прочимъ, положено потому такъ много, что во время чтенія ихъ, какъ узнаемъ изъ устава

¹⁾ Гл. VII.

²⁾ Апологія II. Ср. Тертуліанъ „О крещеніи“, гл. 20.

³⁾ Правилу 85.

⁴⁾ Epist. I ad Himerium. *Bingham* о. с. 199.

⁵⁾ Въ рукописныхъ уставахъ XVI в. Соловецкой и Московской Синодальной бібліотеки такая молитва полагается и на полныхъ великопостныхъ литургіяхъ—свв. Златоуста и Василія Вел.

Великой Константинопольской Церкви IX в. ¹⁾), патриархъ совершалъ крещеніе. Но болѣе всего замѣчательна въ этомъ отношеніи слѣдующая частность современнаго устава: въ Лазареву субботу положено тоже вмѣсто Трисвятого на литургіи „Елицы во Христа креститесь“, тогда какъ въ Вербное воскресенье уже Трисвятое. Очевидно, въ Лазареву субботу по мѣстамъ тоже совершалось крещеніе оглашенныхъ и именно потому, что до нея отъ начала Великаго поста проходитъ какъ разъ 40 дней.

Приурочивъ къ Пасхѣ и ея посту, какъ священнѣйшему времени года, крещеніе, Церковь постепенно отнесла на это время и совершеніе двухъ другихъ таинствъ, требовавшихъ не меньше очистительнаго приготовленія, и ради этого послѣдняго удлинила постъ. Такъ было прежде всего съ покаяніемъ, этимъ вторымъ крещеніемъ.

Столь сложную и строгую въ первые вѣка дисциплину покаянія удобнѣе всего было примѣнять въ предпасхальный постъ. Уже Анкирскій соборъ (314—315 г.) временемъ какъ для принятія кающагося въ церковь, такъ и для перевода его изъ низшаго разряда покаянія въ высшій назначаетъ Пасху: „да примутся въ разрядъ слушающихъ писанія до великаго дня Пасхи“, постановилъ онъ относительно вкушавшихъ во время гоненій идоложертвенное ²⁾). По Григорію Нисскому († послѣ 394 г.) „въ день Пасхи мы не только приводимъ къ Богу тѣхъ, которые преобразованы возрожденіемъ въ благодатной купели, но и тѣхъ, которые чрезъ раскаяніе и обращеніе отъ мертвыхъ дѣлъ приступаютъ къ вѣчной жизни“ ³⁾). Т. о. нынѣшній обычай говѣть въ Великій постъ возникъ едва ли не одновременно съ самимъ постомъ. Отсюда и покаянное преимущественно содержаніе богослуженія

¹⁾ *Дмитріевскій А.* Описаніе литургическихъ рукописей, т. I. Тьокка. Кіевъ 1895, стр. 133.

²⁾ Правило 6.

³⁾ Epist. canon. ad Letojum.

въ Великій постъ. Памятью о такомъ назначеніи Четыредесятницы въ римской церкви служить обрядъ такъ называемаго „благословенія пепла“ въ первый день римско-католической Четыредесятницы (въ среду первой недѣли нашего поста).

Когда оставлень былъ обычай еженедѣльнаго приобщенія св. Тайнами всѣхъ вѣрующихъ, Четыредесятница стала приготовленіемъ и къ достойному принятію этого таинства, которое приурочивалось то къ дню установленія его Спасителемъ—Великому четвергу, то къ Пасхѣ. „Нѣкогда многіе, говоритъ св. Златоустъ, легкомысленно и безъ разсужденія приступали къ св. Тайнамъ и даже въ тотъ день, когда Христосъ установилъ ихъ. Посему такъ какъ отцы видѣли, сколько получается вреда отъ безразсуднаго приступа къ нимъ, согласившись назначили 40 дней поста...“¹⁾ „чтобы, очистившись отъ грѣховъ, прилипшихъ всякимъ образомъ въ теченіе года, мы съ духовною бодростью стали причастниками этой безкровной Жертвы“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ Златоустъ замѣчаетъ, что каждый въ его время пользовался Четыредесятницей „для должнаго приготовленія къ принятію на праздникъ Пасхи причащенія“. Бл. Иеронимъ тоже говоритъ, что „подвигомъ поста“ „Господь готовитъ души наши къ яденію тѣла Своего“³⁾. Памятью о древнемъ обычаѣ приобщаться всѣмъ на Пасху остался въ нынѣшнемъ богослуженіи причастенъ на Пасху „Тѣло Христово приимите“, стихъ, хотя постоянно поющійся во время причащенія мірянъ, но въ качествѣ „причастна“ положенный только на Пасху.

Когда предпасхальный постъ изъ недѣльнаго сдѣлался сорокадневнымъ, ему осталось пройти еще одну стадію, чтобы получить тотъ видъ или вѣрнѣе ту продолжительность,

¹⁾ Бес. 52 „о тѣхъ, которые въ Пасху постанутъ“.

²⁾ Бес. 22, „о гнѣвѣ“.

³⁾ Бес. 42.

какіе онъ имѣеть въ настоящее время. Какъ извѣстно, нынѣ Великій постъ, хотя называется Четырехдесятницей, продолжается не 40 дней, а 48. Это потому, что Страстная недѣля не включается въ Четырехдесятницу, а рассматривается какъ самостоятельный постъ.

Такой порядокъ пощенія, можно думать, возникъ одновременно съ другой практикою, ограничивавшей постъ 40 только днями, слѣдовательно включавшей Страстную седмицу въ Четырехдесятницу. Изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ Сократа и Созомена мы узнаемъ точно, гдѣ и какой изъ этихъ порядковъ господствовалъ въ ихъ время. Практика шестинедѣльнаго поста принята была главнымъ образомъ въ Римѣ, но кромѣ него въ Иллиріи, Греціи, Египтѣ, а по Созомену, и въ Палестинѣ.

Гдѣ былъ принятъ шестинедѣльный постъ, тамъ его начинали въ понедѣльникъ шестой недѣли до Пасхи, т. е. съ понедѣльника второй недѣли нынѣшняго православнаго поста. Слѣдовательно вся нынѣшняя первая седмица поста при такой практикѣ не входила въ постъ. Памятью о такой практикѣ, которой не слѣдуетъ теперь и главная въ древности сторонница ея—римская церковь, въ этой послѣдней церкви осталось то, что тайная молитва этого понедѣльника, приходящагося теперь въ римской церкви шестымъ уже днемъ поста, начинается словами: „Жертву начала Четырехдесятницы торжественно приносимъ“¹⁾.

Что шестинедѣльный срокъ для пасхальнаго поста принятъ былъ кромѣ Рима и въ нѣкоторыхъ церквахъ Востока, объ этомъ кромѣ Сократа и Созомена есть и другія свидѣтельства, которыя вполне подтверждаютъ и точность топографическихъ указаній этихъ историковъ. Два вышеприведенныя свидѣтельства о Четырехдесятницѣ Евсевія Кессарійскаго ясно даютъ понять, что автору извѣстенъ былъ предпасхальный постъ только сорокадневной продолжительности.

¹⁾ Missale romanum, dominica I Quadragesimae, feria secunda.

Св. Аѳанасій Великій въ одномъ пасхальномъ посланіи даетъ такіе термины для предстоящаго пасхальнаго года: „сорокадневный постъ начнемъ 13-го фаменота (=9 марта); затѣмъ, завершивъ постъ, начинаемъ недѣлю св. праздника Пасхи [какъ видно изъ послѣдующаго—Страстную седмицу] 18-го фармути (13 апрѣля) и прекращаемъ ее [букв. „отдыхаемъ отъ нея“] 23-го же фармути, и затѣмъ 24-го празднуемъ воскресенье; а къ этимъ днямъ прибавляемъ 7 недѣль великаго праздника Пятидесятницы“. (Пасха, слѣдовательно, въ томъ году приходилась 19 апрѣля)¹⁾. Не бѣольшую продолжительность имѣлъ предпасхальный постъ въ Александріи и при патріархѣ Теофилѣ (385—412), въ пасхальномъ посланіи котораго даны такіе термины: 30-го мехиря (24 февраля) начало поста, 5-го фармути (31 марта) Страстная седмица, 11 фармути (6 апрѣля)—Пасха²⁾.

Удлиненіе сорокадневнаго поста до 7 недѣль вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что въ число постныхъ дней не должны были включаться не только воскресенья, приходившіяся во время Четырдесятницы, но, по взгляду Восточной церкви, и субботы. Благодаря этимъ исключеніямъ предпасхальный постъ сорокадневной лишь продолжительности не давалъ бы 40 постныхъ дней и не отвѣчалъ бы идеѣ Четырдесятницы. При исключеніи однихъ воскресныхъ дней шестинедѣльный постъ, впрочемъ, давалъ все же знаменательное число 36 (6×6), которое папа Левъ Великій объяснялъ какъ десятину Богу отъ всего года³⁾. Но такъ какъ на Востокѣ и суббота была исключена изъ числа постныхъ дней, то, чтобы получить по крайней мѣрѣ число 36 для постныхъ дней предпасхальнаго поста, нужно было удлинитъ его до 7 недѣль ($5 \times 7 = 35$; съ присоединеніемъ Великой субботы—36)⁴⁾.

¹⁾ *Funk*, *ibid.* 265.

²⁾ Истор. разсужд. о постахъ, стр. 20, 58.

³⁾ Бес. на Четырдесятницу.

⁴⁾ Такъ считаетъ уже Кассіанъ. *Collat.* XXI, 27, 28.

Между тѣмъ восточная церковь всегда держалась на субботу такого взгляда, что въ этотъ день поститься нельзя. Когда, вслѣдствіе отступленія римской церкви отъ этого древняго запрещенія, о немъ съ особенною настойчивостью стало напоминать восточное церковное законодательство¹⁾, естественно, что и тѣ восточныя церкви, которые доселѣ имѣли шестинедѣльный постъ предъ Пасхой, приняли семинедѣльный. Въ той самой Иерусалимской Церкви, въ которой Евсевій и, пожалуй еще, Кириллъ Иерусалимскій (говорившій въ Великую пятницу: „эти протекшіе дни Четырдесятницы“)²⁾ знаютъ сорокадневный постъ, паломница IV в. Сильвія изъ Аквитаніи констатируетъ уже 8 (!) недѣль предпасхальнаго поста. Если эта цифра сомнительна за свою величину, то Петръ, патріархъ Иерусалимскій 524—544 года, свидѣтельствуесть³⁾ о семинедѣльномъ постѣ въ своей церкви. Іоаннъ, епископъ Аѳинскій (ок. 680 года), и Анастасій, патріархъ Константинопольскій, въ энцикликѣ отъ 732 года свидѣлствуютъ о такомъ же постѣ въ Греціи. Общее распространеніе такой постъ на Востокѣ долженъ былъ получить не позднѣе V вѣка, судя по тому, что апостольскія постановленія узаконяютъ его⁴⁾, а св. Елифаній Кипрскій († 403 г.) говоритъ о немъ, какъ общепризнанномъ въ Церкви⁵⁾.

Съ твердымъ окончательнымъ и повсемѣстнымъ установленіемъ сорокадневной продолжительности поста онъ сталъ

¹⁾ Правило св. апостоловъ 66 Трулльск. соб. пр. 55.

²⁾ 18 оглас. слово, хотя слово „Четырдесятница“ могло быть у него уже *terminus technicus*.

³⁾ Въ посланіи св. Іоанна Дамаскина о постѣ есть ссылка на это свидѣтельство. Migne, s. gr. 95, 71—78.

⁴⁾ „Да совершается этотъ постъ (т. е. Четырдесятницы) прежде поста Пасхи, начинаясь съ понедѣльника, а оканчиваясь въ пятницу; потомъ начинайте св. седмицу Пасхи (Страстную), постясь во время ея со страхомъ и трепетомъ“ (кн. 5, гл. 1).

⁵⁾ „Четырдесятницу до 7 дней св. Пасхи (Страстной недѣли) церковь обыкновенно проводитъ въ постѣ; сверхъ того и шесть дней Пасхи (Страстную недѣлю) весь народъ проводитъ въ сухояденіи“.

очень внушительнымъ по внѣшней своей величинѣ учрежденіемъ въ Церкви, чтобы въ очахъ послѣдней не выросло сильно и внутреннее его значеніе. Неудивительно, что писатели и писанія IV и V вѣковъ не находятъ словъ для изображенія всей важности и ненарушимости этого учрежденія.

Извѣстно, что уже и апостольскія правила, памятникъ, можетъ быть, древнѣе и IV в., подвергаютъ отъ имени св. апостоловъ клирика изверженію (изъ сана), а мірянина отлученію (отъ причастія, такъ какъ срокъ не указанъ, то явно—до исправленія) за несоблюденіе Четырехдесятницы ¹⁾. „Кто изъ христіанъ не постится въ св. Четырехдесятницу“, говоритъ св. Амвросій Медиоланскій († 397 г.), „тотъ обнаруживаетъ вѣроломство и упорство. Какой ты христіанинъ, если пресыщаешься въ то время, когда Господь постился?“ ²⁾. „Поститься въ другіе дни, говоритъ бл. Августинъ, есть лѣкарство или заслуга; не поститься въ Четырехдесятницу—грѣхъ“ ³⁾.

§ 3. Образъ пощенія въ историческомъ развитіи.

Первообразомъ христіанскаго поста былъ постъ еврейскій.

Если „постное завѣщаніе“ предано христіанской Церкви самимъ Христомъ и Его апостолами, то первоначально постъ въ Церкви съ внѣшней стороны не могъ быть инымъ, чѣмъ у евреевъ въ Вѣтхомъ Завѣтѣ. Какъ апостолы, по происхожденію и воспитанію своему бывшіе евреями и соблюдавшіе ветхозавѣтные праздники и обряды, должны были поститься по-еврейски, такъ и первые христіане.

Богъ чрезъ Моисея установилъ только одинъ день поста, *день очищенія*. Но такъ какъ главное въ этотъ день былъ не постъ, а особая жертвы и обряды при нихъ, то

¹⁾ 69 правило.

²⁾ Слово 40, на крещ.

³⁾ Слово 62, о врем..

только эти жертвы и обряды и описываются со всею подробностью въ постановленіяхъ книгъ Левитъ (гл. 16) объ этомъ днѣ; о времяпрепровожденіи же его сказано слѣдующимъ не вполне опредѣленнымъ образомъ: „смирите души ваши и никакого дѣла не дѣлайте“. Какъ видно, изъ еврейской ми-драши (древняго толкованія) на этотъ отдѣлъ книги Левитъ, у евреевъ долго происходили ученые споры относительно того, какъ понимать выраженіе „смирите (точнѣе: изнуряйте) души ваши“. Большинство раввиновъ думали, что этимъ выраженіемъ запрещается употребленіе извѣстнаго рода жертвеннаго мяса, или мяса залежавшагося, падали ¹⁾. Только одинъ раввинъ высказалъ мнѣніе, что здѣсь разумѣется воздержаніе отъ пищи вообще: „отъ имени р. Исмаила сказали: здѣсь сказано: *«изнуряйте души ваши»* и тамъ (Втор. 8, 3) сказано: *«онъ изнурялъ тебя, томилъ тебя голодомъ»*: подобно тому, какъ тамъ подъ «изнуреніемъ» разумѣется голоданіе, такъ и здѣсь подъ «изнуреніемъ» воздержаніе отъ пищи“ ²⁾.

Это послѣднее объясненіе божественнаго повелѣнія и было принято древнимъ еврействомъ, но съ нѣкоторымъ ограниченіемъ: кромѣ воздержанія отъ пищи рекомендовались и другіе способы „изнуренія души“, хотя воздержаніе отъ пищи считалось главнымъ и поставлено на первое мѣсто. „Въ день очищенія запрещается ѣда, питье, умываніе, умащеніе, надѣваніе сандалій и coitus“, говоритъ основное предписаніе Талмуда о режимѣ дня очищенія ³⁾.

¹⁾ Вотъ толкованіе этого мѣста кн. Левитъ въ Талмудѣ: „Подобно тому, какъ подъ «дѣломъ», запрещеннымъ въ день очищенія, разумѣется работа, за которую въ другомъ мѣстѣ (т. е. въ законахъ о субботѣ) полагается «истребленіе», такъ и подъ «изнуреніемъ» разумѣется воздержаніе отъ такой пищи, за которую въ другомъ мѣстѣ полагается «истребленіе», а именно отъ «оставшихся» (отъ жертвеннаго мяса) и отъ пиггула (мерзкаго)“. Joma. Siphra aschare. Талмудъ, перев. Переферковича, Спб. 1899, II, 313.

²⁾ Тамъ же, 314.

³⁾ Joma, VIII, 1.

Запрещеніе ѣсть и пить въ день очищенія, было безусловное, какъ то и разъясняется дальше. „Кто съѣлъ пищевого вещества величиною съ финикъ, считая его вмѣстѣ съ косточкой, и тотъ, кто выпилъ полный глотокъ напитка, подлежитъ наказанію“ ¹⁾. „Нѣкто постился и, забывъ, ѣлъ и пилъ; онъ заканчиваетъ свой постъ“, говорится въ другомъ трактатѣ Талмуда, специальномъ „О постахъ“ ²⁾, въ которомъ всѣ предписанія о режимѣ дня очищенія прилагаются ко всякому посту, не только общественному, но и частному ³⁾, съ тѣмъ только исключеніемъ для послѣднихъ, что частный постъ можно начинать съ утра, а не съ предшествующаго посту вечера ⁴⁾. Что касается времени сутокъ, когда прекращался постъ; то объ этомъ въ Талмудѣ нѣтъ опредѣленныхъ указаній. Хотя священный день оканчивался у евреевъ вечеромъ, но постъ повидимому продолжался до утра слѣдующаго дня. Это видно изъ дозволенія Талмуда принимать пищу предъ наступленіемъ субботы, если въ пятницу пришелся постъ ⁵⁾.

Въ видѣ полного неяденія должны были представлять себѣ постъ и первые христіане. Кромѣ того обстоятельства, что христіанство заимствовало образъ пощенія отъ евреевъ, за это говорить, такъ сказать, ритуальный остатокъ такого поста и въ современной церковной практикѣ. Какъ мы видѣли, нынѣшній церковный уставъ для трехъ дней Великаго поста требуетъ пощенія именно въ такой формѣ. При этомъ знаменательно, что въ числѣ этихъ дней указывается и Страстная пятница, день распятія Господня, которымъ, по наиболѣе вѣроятному предположенію, и долженъ былъ первоначально ограничиваться предпасхальный постъ. Въ церковномъ правилѣ пощенія Великой пятницы слѣдовательно надо

¹⁾ VIII, 2.

²⁾ Taanith III, 9 (a) [3, 3]; пер. Переферковича 462

³⁾ I, 4.

⁴⁾ II, 10 (a) [2, 4]; Перф. 456.

⁵⁾ Taanith II, 10 [2, 7]. Перф. 456.

видѣть память о древнѣйшей формѣ предпасхальнаго поста, такой формѣ, какую онъ долженъ былъ имѣть, какъ увидимъ сейчасъ, въ I вѣкѣ, если онъ существовалъ тогда хотя бы въ зачаточномъ видѣ одного дня.

Даже въ IV и V вѣкахъ наиболѣе ревностные христіане, повидимому, не хотѣли знать другого пощенія во всю Четырдесятницу. „Нѣкоторые по цѣлымъ двумъ днямъ пребываютъ безъ пищи“, говоритъ св. Златоустъ. Евагрій (послѣ 594 г.) о пустынникахъ палестинскихъ пишетъ, что они не ѣдятъ по 2, по 3 и по 5 дней, т. е. всѣ дни, въ которые положенъ постъ (въ субботу и воскресенье запрещался постъ) ¹⁾.

Уже писатель I вѣка Ерма знаетъ кромѣ этой формы поста, точнѣе этого образа пощенія (въ видѣ полного неяденія), и другую, болѣе легкую. „Въ тотъ день, въ который постишься, ничего не вкушай, кромѣ хлѣба и воды“, говоритъ „пастырь“ Ермѣ. Но нужно замѣтить, что изъ этихъ словъ очень трудно сдѣлать какой-либо выводъ объ образѣ пощенія тогдашнихъ христіанъ. Дѣло въ томъ, что это только наставленіе, совѣтъ Ермѣ отъ его небеснаго руководителя. Наставленіе же часто не подтверждаетъ *status quo*, а измѣняетъ его. И Ерма здѣсь вовсе не намѣренъ описывать существовавшей въ его время практики поста. На вопросъ „пастыря“: „какимъ же образомъ постишься ты?“ онъ отвѣчаетъ: „какъ постился по обыкновенію, такъ и пощусь“, и получаетъ тогда упрекъ: „не умѣете вы поститься Богу, и постъ, который вы совершаете, бесполезенъ“. Изъ дальнѣйшихъ наставленій „пастыря“ видно, что главный недостатокъ, усматриваемый имъ, въ тогдашней практикѣ поста, было отсутствіе при немъ такъ называемаго теперь „духовнаго поста“, т. е. воздержанія отъ грѣховъ. Но кромѣ этого существен-

1) Ἐκκλησιαστικὴ ἱστορία I. 1, с. 21; edited by Bidez and Parmen- tier, London 1898.

наго недостатка „пастырѣ“ усматриваетъ въ тогдашнемъ постѣ и какой-то внѣшній, такъ сказать, физическій недостатокъ и на него-то намекаетъ онъ требованіемъ употреблять въ день поста только хлѣбъ и воду.

Очевидно, нѣкоторые изъ тогдашнихъ христіанъ, продолжая неяденіе въ среду и пятницу (объ этихъ именно постахъ рѣчь здѣсь у Ермы; они названы „дни стояній“) до вечера, вечеромъ вкушали обычную пищу, какъ дѣлаютъ нынѣ евреи въ нѣкоторые по крайней мѣрѣ посты свои, вѣроятно основываясь на древнѣйшей практикѣ. Ерма не одобряетъ такой практики и хотѣлъ бы, чтобы пища въ постные дни, разъ уже допускается ея вкушеніе, была самая простая, хлѣбъ и вода, указывая такое основаніе и цѣль для этого требованія: „исчисливши издержки, которыя ты сдѣлалъ бы въ этотъ день на пищу по примѣру прочихъ дней, остающееся отъ этого дня отложи, и отдай вдовѣ, сиротѣ или бѣдному“.

Въ данномъ мѣстѣ Ермы мы имѣемъ, такимъ образомъ, свидѣтельство о первомъ зарожденіи самостоятельно-христіанскаго образа пощенія, различнаго, по крайней мѣрѣ начинающаго уже расходиться, съ еврейскимъ постомъ: къ полному неяденію въ теченіе дня сознается уже необходимость присоединить нѣкоторое ограниченіе *и въ родѣ* пищи.

Можно сказать даже больше: полное неяденіе считается возможнымъ замѣнить употребленіемъ скудной пищи, такой пищи, которая въ послѣдствіи получила названіе „сухояденія“. Судя по тому, что такой образъ пощенія только рекомендуется, о немъ можно сказать, что идея его только еще начинала рождаться въ христіанскомъ обществѣ, которое въ большинствѣ своемъ слѣдовало еврейской практикѣ поста въ видѣ полнаго неяденія, должно быть съ вечернимъ разрѣшеніемъ на всякую пищу.

Но нужно замѣтить, что и эта идея въ христіанствѣ не была, такъ сказать, вполнѣ оригинальна и могла быть внушена ему іудейской практикой. Въ Талмудѣ наканунѣ

поста запрещается „ѣсть два кушанья, ѣсть мясо и пить вино“¹⁾. Древней еврейской практикѣ, слѣдовательно, тоже не чужда была мысль объ ограниченіи рода пищи; но такъ какъ день поста весь проводился въ полномъ неяденіи, то это ограниченіе переносилось на канунъ поста.

Замѣна полного неяденія скудной пищей произошла, когда постъ изъ однедѣльнаго удлинился до 40 дней. „Должно во всю Четыредесятницу поститься съ сухояденіемъ“, подтверждаетъ Лаодикійскій соборъ (8 пр.—по поводу обычая нѣкоторыхъ разрѣшать постъ въ Страстной четвертокѣ), а также Апостольскія Постановленія²⁾. Иоаннъ Златоустъ говоритъ, что нѣкоторые во всю Четыредесятницу питались только хлѣбомъ и водою, или по крайней мѣрѣ не употребляли вина, елея и другихъ приправъ къ кушаньямъ³⁾. Бл. Иеронимъ говорить: „строжайшій постъ состоитъ изъ воды и хлѣба“⁴⁾.

Хотя пощеніе уже такъ рано въ христіанствѣ стало замѣнять еврейскую форму свою полного неяденія другой—ограниченіемъ въ родѣ пищи и даже могло дѣлать это подъ влияніемъ самой же іудейской практики, тѣмъ не менѣе еще долго въ Церкви христіанской поста не могли представить иначе, какъ подъ первой формой, въ видѣ неяденія по крайней мѣрѣ до вечера. Въ частности именно Великій постъ, какъ древнѣйшій, совершался долго только такимъ способомъ и продолжалъ совершаться такъ и тогда, когда получилъ сорокадневную продолжительность и когда такое пощеніе стало очень тяжело. Не говоря о временахъ св. Иринея, когда для „измѣрявшихъ“ предпасхальный постъ 40 часами и не мыслимъ былъ другой образъ пощенія, даже въ IV и V вѣкѣ дни Четыредесятницы проводятся въ неяденіи до вечера. „Подожди немного (съ пищей): скоро конецъ дня“.

¹⁾ Таанитъ IV, 7.

²⁾ Упомянутое выше мѣсто въ V, 18.

³⁾ Бес. 4 „о статуяхъ“.

⁴⁾ Къ Непот. о жизни клирик.

говорить св. Амвросій¹⁾. „Ты ждешь вечера, чтобы принять пищу, а цѣлый день проводишь въ судахъ“, обличалъ св. Василій Великій своихъ слушателей во время поста²⁾. „Не будемъ думать, что одного неяденія до вечера достаточно намъ для спасенія“, говорилъ въ такое же время св. Златоустъ; „что за польза отъ поста, скажи мнѣ, если ты по цѣлымъ днямъ не ѣшь, а предаешься весь день играмъ, шуткамъ, даже клятвопреступленію и злорѣчію“³⁾.

Въ частности и конкретнѣе это неяденіе выражалось въ отнѣніи для постныхъ дней обѣда (по тогдашней терминологіи: завтрака, *grandium*) и довольствованіи однимъ ужиномъ (*соена*). „Во дни поста“, увѣщаетъ бл. Августинъ, „то, что мы употребляемъ на обѣдъ, употребимъ на бѣдныхъ, а не на приготовленіе роскошныхъ ужиновъ съ яствами для самыхъ изысканныхъ вкусовъ“⁴⁾. „Насколько высыхаетъ въ тѣлѣ“, обличаетъ современниковъ Петръ Хрисологъ, „настолько полнѣе въ кошелекѣ; а вотъ постясь вручимъ нашъ обѣдъ бѣднымъ“⁵⁾. Нынѣшній церковный уставъ тоже считаетъ необходимымъ условіемъ поста „одну трапезу“, принятіе пищи разъ въ день; но приурочиваетъ это принятіе не ко времени обѣда или ужина, а въ промежутокъ времени между ними, именно или послѣ вечерни, которая въ этомъ случаѣ совершается нѣсколько ранѣе, сряду послѣ часовъ,—какъ въ Великій постъ,—или часа въ 3 вечера до вечерни, какъ въ другіе постные дни—среды и пятницы и т. п.⁶⁾. Когда же дозволяется двѣ трапезы въ день, то уставъ это не считаетъ постомъ, хотя бы въ такой день была запрещена и рыба: напр., о сочельникахъ Рождества Христова и Крещенія, приходящихся въ субботу или воскресенье, сказано

¹⁾ На Пс. 118 бес. 8.

²⁾ Бес. 1 о постѣ.

³⁾ На Быт. бес. 4 и 6.

⁴⁾ Слово 56 „о врем.“.

⁵⁾ Слово 8 „о постѣ и милостынѣ“.

⁶⁾ Типиконъ главы 8 и 35.

въ уставѣ: „постъ не бываетъ“, а между тѣмъ на трапезѣ „ядимъ вареніе со елеемъ, рыбы же не ядимъ“¹⁾. И это потому, что въ такомъ случаѣ бываетъ трапеза и послѣ литургіи и послѣ вечерни: „по отпущеніи литургіи въ трапезу не ходимъ, но въ притворѣ церковнѣмъ сѣдшимъ намъ, трапезарь даетъ по уломку хлѣба, или малу хлѣбцу пшеничному, и мало смоквій и финиковъ, и по единой чашѣ вина, яко да не наречется постъ“²⁾. „Совершенно же ядимъ по отпустѣ вечерни, со елеемъ“³⁾.

Одна трапеза въ день въ уставѣ положена только для тѣхъ дней, въ которые требуется сухояденіе⁴⁾. Это и считается въ нынѣшнемъ уставѣ постомъ въ собственномъ смыслѣ. И такой постъ полагается только для пяти дней каждой обычной седмицы Великаго поста (исключая первой и Страстной, гдѣ особыя правила). Въ субботу и воскресенье, когда полагается двѣ трапезы, и разрѣшается постное масло и вино, собственно поста нѣтъ. И этотъ порядокъ пощенія былъ принятъ уже въ IV вѣкѣ. „Въ Четырдесятницу постятся по цѣлымъ днямъ, кромѣ субботы и воскресенья“, говоритъ св. Амвросій⁵⁾. Василиій Великій тоже свидѣтельствуетъ, что въ его время постились лишь по 5 дней въ недѣлю въ теченіе Четырдесятницы⁶⁾. Св. Златоустъ субботу и воскресенье называетъ днями отдыха для подвижниковъ поста⁷⁾.

Эти-то дни—суббота и воскресенье,—въ которыхъ постъ не только не рекомендовался, но строго запрещался⁸⁾, пре-

¹⁾ Типиконъ, 24 дек. и 5 янв.

²⁾ Минея мѣсячная, января 5.

³⁾ Типиконъ, тамъ же.

⁴⁾ Типиконъ, глава 35.

⁵⁾ De Elia et jejuniis.

⁶⁾ Слово 1 „о постѣ“.

⁷⁾ На кв. Быт. бес. 11.

⁸⁾ Апост. прав. 64: „аще кто изъ клира усмотрѣвъ будетъ постящимся въ день Господень, или въ субботу, кромѣ единныя только (Великой субботы), да будетъ изверженъ; аще же мірянинъ, да будетъ отлученъ“. Ср. Трул. соб. пр. 55.

рывая собою постоянно, нѣсколько разъ, Четырдесятницу, ставили для церковныхъ каноновъ трудную диллему: или отступить отъ древняго обычая не поститься въ эти дни, или же поступиться высокимъ, сразу по установленіи завоевавшимъ себѣ въ христіанскомъ мірѣ большія симпатіи и получившимъ всеобщее распространеніе, учрежденіемъ Четырдесятницы, превративъ ее изъ цѣльнаго, непрерывнаго сорокадневнаго поста въ 6, 7 пятидневныхъ постовъ.

Единственнымъ выходомъ изъ затрудненія было изобрѣтеніе для субботы и воскресенья такой формы пощенія, которая, не будучи постомъ въ собственномъ смыслѣ, не прерывала бы слишкомъ рѣзко поста Четырдесятницы.

Мы видѣли, что іудейская практика, не могшая не служить для церкви первыхъ временъ ритуальнымъ образцомъ, намѣчала для Церкви такую форму поста, запрещая въ предпостные дни употребленіе мяса (и вина). Между тѣмъ и вообще идея вегетаріанства въ формѣ воздержанія отъ мяса никогда не была чужда человѣчеству, хотя представлялась вообще не осуществимою вполне или не скоро осуществимою (въ тѣ времена, когда „волкъ будетъ пастись со агнцемъ“). Все это не могло не направить мысль Церкви на возможность этого рода ограниченія въ пищѣ, какъ такого ограниченія, которое, далеко не будучи постомъ, въ то же время было бы близко къ нему. „Мы постимся“, говоритъ Кириллъ Іерусалимскій, „воздерживаясь отъ вина и мяса“¹⁾.

Но если для первыхъ двухъ формъ поста—полнаго неяденія и „сухояденія“ (употребленія въ пищу одного хлѣба) для Церкви и были готовые образцы (въ практикѣ еврейской), и эти формы были вполне естественны и подсказывались сами собою, то эта форма пощенія—въ видѣ воздержанія отъ извѣстныхъ родовъ пищи, съ дозволеніемъ другихъ,—хотя не была для древняго міра новостью (существовали даже философскія школы, запрещавшія извѣстные роды пищи, напр.,

¹⁾ Оглас. сл. 4.

пиагорейская—бобы), но являлась формою болѣе искусственною и сложною, чтобы выработаться легко и скоро.

У того же Сократа историка, знакомящаго насъ съ постепеннымъ удлинениемъ предпасхальнаго поста изъ недѣльнаго въ сорокадневный, мы находимъ и свѣдѣнія о той, такъ сказать, эволюціи, которую испытала эта форма пощенія—воздержаніе отъ мяса.

„Разногласіе“, говоритъ Сократъ, „касается не только числа постныхъ дней, но и понятія о воздержаніи отъ яствъ; потому что одни воздерживаются отъ употребленія въ пищу всякаго рода животныхъ, другіе изъ всѣхъ одушевленныхъ употребляютъ только рыбу, а нѣкоторые вмѣстѣ съ рыбою ѣдятъ и птицъ, говоря, что птицы, по сказанію Моисея, произошли также изъ воды. Одни воздерживаются даже отъ плодовъ и яицъ, другіе питаются только сухимъ хлѣбомъ, нѣкоторые и того не принимаютъ, а иные, постясь до девятаго часа, вкушаютъ потомъ всякую пищу“¹⁾. Созомень, вообще повторяющій Сократа, не отмѣчаетъ этой разницы въ пощеніи Четырдесятницы, указывая лишь на разницу въ продолжительности ея.

Т. о. очень скоро послѣ того, какъ было принято въ Церкви, въ качествѣ одной изъ возможныхъ формъ пощенія, воздержаніе отъ мяса, было дѣлаемо исключеніе для нѣкоторыхъ родовъ мяса, при этомъ не только для рыбы, какъ теперь, но и для птицъ. Но послѣдняго рода исключеніе, какъ не имѣвшее для себя никакихъ основаній, скоро отпало, а осталось только первое. Въ дозволеніи употреблять рыбу въ постъ могли руководиться слѣдующими соображеніями: 1) проклятіе Божіе по грѣхопаденіи направлено было именно на землю, а не на воды и ихъ обитателей; 2) рыбы принадлежатъ элементу, съ которымъ связано крещеніе; 3) въ

¹⁾ Кн. 5, гл. 22.

исторіи творенія сказано: „Духъ Божій носился надъ водою“ ¹⁾.

Теперь церковной практикѣ поста нужно было установить опредѣленное отношеніе къ другимъ продуктамъ питанія, именно яицамъ и молоку. Въ этомъ отношеніи тоже были „разногласія“ и колебанія, о которыхъ, какъ видѣли мы, упоминаетъ и Сократъ. По его словамъ въ Четырнадцатниці (точнѣе, вѣроятно, въ дни ея менѣе строгаго поста, — въ субботу и воскресенье) нѣкоторые „воздерживаются даже отъ плодовъ и яицъ“. Очевидно, во времена историка не полагалось еще различія между яицами и овощами въ отношеніи поста.

Судя по тому, что въ римско-католической церкви и нынѣ молоко и яица считаются постнымъ кушаньемъ и дозволяются по крайней мѣрѣ въ воскресенье Великаго поста, можно думать, что такой обычай былъ издавна принятъ въ этой церкви. Кромѣ нея такая практика была принята въ Армянской церкви. Эта практика осуждена была Трульскимъ соборомъ ²⁾, при чемъ въ качествѣ слѣдующихъ ей названы только армяне. Но такъ какъ правило собора осуждаетъ римскихъ христіанъ только за постъ въ субботу, можно думать, что ко времени собора эта практика была оставлена и въ Римѣ, если существовала тамъ раньше, а затѣмъ, — ко времени раздѣленія церквей, — восстановлена. Памятникомъ ея въ Православной Церкви осталась Сырная недѣля.

Такъ, приблизительно къ VIII в., окончательно выработалась въ Православной Церкви нынѣшняя форма Великаго поста въ отношеніи къ образу пощенія. Выработалась она впрочемъ къ этому времени только въ основныхъ чертахъ

¹⁾ Такія основанія указываетъ *Dürand* въ соч. *Rationale divinarum officiorum*, цитуемомъ у *Hein. Alt*, *Das Kirchenjahr*, Berlin 1860, S. 20.

²⁾ Правило 56.

своихъ, но далеко не въ подробностяхъ. Нормою пощенія было признано не полное неяденіе, и невозможное для столь продолжительнаго поста, а скудное питаніе, состоящее изъ хлѣба и воды или близкое по простотѣ къ такому—изъ произрастеній земли, съ принятіемъ притомъ такой пищи разъ въ день, вечеромъ (на ранній ужинъ). Такой режимъ признанъ былъ необходимымъ лишь для пяти дней каждой недѣли поста. Для субботы же и воскресенія онъ не только не считался нужнымъ, но прямо запрещался. Для этихъ дней былъ установленъ легкій, едва замѣтный образъ пощенія, установленъ съ долгими и немалыми колебаніями, но къ концу настоящаго періода вполнѣ опредѣлившійся. Безусловно недопустимыми къ употребленію въ эти дни признано было мясо животныхъ и птицъ, молоко и яйца. Вино, поставлявшееся не только еврейской, но и ранней христіанской практикой ¹⁾ въ отношеніи постнаго режима на одинъ уровень съ мясомъ, признано постнымъ продуктомъ питанія, какъ и рыба. О дозволеніи послѣднихъ двухъ продуктовъ въ постъ можно заключить, какъ изъ умолчанія о ихъ недозволенности въ соборныхъ правилахъ, касавшихся этого предмета, такъ и изъ того, что въ практикѣ послѣдующаго времени, начиная съ IX вѣка, эти пищевые продукты единогласно признаются не нарушающими поста.

Церковная практика позднѣйшаго времени сохранила неизмѣнно эти выработанные золотымъ и серебряннымъ періодами церковной исторіи основныя начала пощенія и только разработала во всѣхъ частностяхъ и подробностяхъ ихъ примѣненіе, всегда стараясь оставаться вѣрной завѣтамъ святой древности. Изъ этой осторожной вѣковой разработки, закончившейся приблизительно къ вѣку XIV, къ вѣку окончательнаго сформированія нынѣ дѣйствующаго у насъ церковнаго устава (іерусалимскаго), или вѣрнѣе, такъ и оставшейся не

¹⁾ См. выше цитату изъ Кирилла Іерусалимскаго.

вполнѣ законченной, и возникли правила пощенія нынѣшняго устава, даваемые Трїодью и Типикономъ.

Чтобы нарисовать картину ихъ развитія до современнаго вида, нужно дать понятіе о тѣхъ памятникахъ, которые составляютъ матеріаль для этой исторіи.

Это рядъ древнихъ уставовъ или типиконовъ разныхъ восточныхъ и русскихъ монастырей, отражавшихъ на себѣ дѣйствовавшую въ ихъ время практику, хотя, можетъ быть, иногда и дѣлавшихъ въ ней легкія измѣненія. Рядъ такихъ уставовъ начинается „Завѣщаніемъ“ (Ἐπιτομωσις), приписываемымъ св. Θεодору Студиту; можетъ быть, неосновательно, но во всякомъ случаѣ памятникомъ его приблизительно времени (IX в.), и положеннымъ въ основу такъ называемаго студійскаго устава. Затѣмъ слѣдуетъ Завѣщаніе (Καὶνὸν καὶ τόπος или Διατόμωσις) св. Аѳанасія Аѳонскаго († 1000 г.), сходное съ первымъ; типиконъ патріарха Константинопольскаго Алексѣя (1025—1043) въ рукописномъ славянскомъ переводѣ (въ Московской Синодальной библіотекѣ); типиконъ, данный въ 1118 г. императрицей Ириной женскому константинопольскому монастырю Богородицы Благодатной; типиконъ константинопольскаго Пандократорскаго монастыря, данный ему императоромъ Іоанномъ Комненомъ въ 1136 г.; типиконъ, данный Львомъ, епископомъ Аргоса и Навплии въ 1142 г. одному монастырю; типиконъ константинопольскаго Еввергетидскаго монастыря, написанный между 1143—1152 годами; типиконъ, данный въ 1152 г. императоромъ Исаакомъ Комненомъ одному малоазійскому монастырю; типиконъ, данный въ 1192 г. св. Саввою сербскимъ Хиландарскому аѳонскому монастырю; типиконы монастырей—константинопольскаго св. Маманта отъ 1146 года и малоазійскаго св. Или отъ 1162 г., кипрскаго Богородичнаго 1210, данный ему іеромонахомъ Ниломъ; „Орбельская Трїодъ“ XII—XIII в. въ славянской рукописи Императорской публичной библіотеки; славянскій типиконъ 1553 г. въ рукописи Московской

Синодальной бібліотеки ¹⁾. Сюда же должно быть отнесенъ Таитиконъ Никона Черногорца XIV вѣка и Номоканонъ при Большомъ требникѣ, составленный въ XV—XVI в.

Сравнивая предписаніе нынѣшняго устава о постномъ режимѣ того или другого дня или цѣлаго періода поста съ такими же предписаніями перечисленныхъ уставовъ, мы ясно видимъ, какую эволюцію прошло каждое изъ такихъ указаній. Иногда и указанія нынѣ дѣйствующаго устава, даваемые въ Тріоди постной и 32 гл. Типикона относительно поста въ одинъ и тотъ же день, на первый взглядъ не сходятся между собою.

Древнѣйшій изъ сохранившихся уставовъ поста Ὑποπόσις св. Θεодора Студита IX в., какъ и „Завѣщаніе“ св. Аѳанасія Аѳонскаго X в., назначало такую трапезу для первой недѣли поста: однажды днемъ соленіе (ἀλμαία, напр., квашеная капуста) безъ масла, сушенныя фіги по 5 и, если случится, каштаны, и сушенныя груши и сливы. Въ качествѣ напитка вмѣсто вина назначается для всей Четырдесятницы, исключая болѣе торжественные дни, такъ называемый евкратонъ (букв. „пріятная смѣсь“) изъ перца, тмина, аниса и теплой воды (тотъ же напитокъ въ уставѣ п. Алексѣя называется „ривиѳиной ухой“ ²⁾), а въ Орбельской Тріоди „юхо сланитково съ пипремъ (= перцемъ = уст. п. Алексѣя) и медомъ“. Тотъ же уставъ дается для первой недѣли въ уставѣ п. Алексѣя съ прибавленіемъ ограниченія и въ хлѣбѣ: хлѣба „по единой четверти“ (но съ прибавленіемъ вареныхъ сливъ). Ограниченіе относительно хлѣба вводится и Типикономъ Пандократорскаго монастыря 1136 года; „въ первую недѣлю будетъ предлагаться меньшій хлѣбъ, чѣмъ обыкновенно, по куску“.

¹⁾ Нѣкоторые изъ этихъ памятниковъ изданы проф. А. А. Дмитриевскимъ въ „Описаніи литургическихъ рукописей, т. I, Кіевъ, 1895 г.“. Изъ остальныхъ главы о постѣ приведены почти полностью въ брошюрѣ его же „Тріодъ постная—училище благочестія. (О постѣ). Кіевъ 1904“.

²⁾ Ἐρεβινθος, горохъ.

Вводятся ограниченія и для другихъ, разрѣшенныхъ св. Θεодоромъ продуктовъ: въ типиконахъ Иринея и Евергетидскомъ дозволяются только моченные бобы (сочиво) и сырая зелень или овощи,—по первому: „можетъ быть и плоды“. Но очень рано этотъ режимъ сталъ усиливаться для нѣкоторыхъ дней первой недѣли, и конечно прежде всего для перваго дня поста. Такъ, уже Типиконъ Пандократорскаго монастыря замѣчаетъ: „если же нѣкоторые пожелаютъ проводить этотъ первый день безъ пищи, какъ это въ обычаѣ у многихъ, то дозволено имъ дѣлать это по ихъ произволению“. Типиконъ же имп. Ирины 1118 г. и Евергетидскій XII в. запрещаютъ пищу въ первый день, а Орбельская Тріодь и въ первые два дня. Съ другой стороны идетъ тенденція и къ смягченію кое въ чемъ древней строгости. Типиконъ Пандократорскаго монастыря разрѣшаетъ для первой недѣли вино, только меньше обычнаго; Орбельская Тріодь разрѣшаетъ его для больныхъ и старыхъ.

Результатомъ этихъ всѣхъ теченій въ выработкѣ постаго режима для первой недѣли Великаго поста и явился, вѣроятно, нынѣшній уставъ ея поста, который Тріодь и 49 гл. Типикона излагаетъ подробнѣе, чѣмъ 32 гл. Типикона. Въ первомъ мѣстѣ уставъ гласитъ: „не пріяхомъ творити преждеосвященную даже до среды, за еже постигтися по преданію всему братству; могущіи же да пребудутъ постящеся до пятка. Святыя же горы типикъ въ первый убо день отнюдь не повелѣваетъ ясти; во вторникъ же, въ среду и въ четвертокъ ясти подобаетъ по единой литрѣ хлѣба, и воду, и ино ничтоже, развѣ соли требуя съ хлѣбомъ“. Здѣсь относительно образа пощенія въ первые пять дней указывается двоякая практика и, какъ то часто дѣлается въ Уставѣ съ правилами поста, предлагается каждому выбрать какую угодно. По первой практикѣ, повидимому, ничего не ѣли до среды. И именно съ цѣлью не нарушать такого строгаго поста, замѣчаетъ уставъ, первые два дня поста не имѣютъ и литургіи преждеосвященныхъ (такъ какъ

при литургіи неизбѣжно вкушеніе Св. Даровъ). Эта практика уставомъ, очевидно, считается наилучшей, почему и ставится на первомъ мѣстѣ и этимъ возводится въ своего рода законъ. Неясное вслѣдствіе своей сжатости это предписаніе устава (даваемое здѣсь мимоходомъ) излагается уже совершенно ясно (п. ч. подробнѣе) въ 32 главѣ Типикона, занимающейся специально постнымъ режимомъ Четыредесятницы. „Во святую и великую 40-цу, 1-я недѣли первый день, сіе есть въ понедѣльникъ, отнюдь ясти не подобаеть, такожде и во второй“. Правило, конечно, не легкое, и потому тутъ же уставъ дѣлаеть замѣчаніе: „не могуціи же сохранить дву дней первыхъ ядятъ хлѣбъ и квасъ по вечерни во вторникъ [не въ понедѣльникъ!]; подобнѣ же и старіи творять“. Какъ ни труденъ такой постъ, уставъ (въ первомъ мѣстѣ—въ 49 гл. Тип. и Тріоди) указываетъ, но уже въ качествѣ совѣта, практику еще болѣе тяжелую, но конечно, духовно и болѣе общающую: „Могуціи же да пребудутъ постящеса до пятка“. „Постящеса“—очевидно въ томъ смыслѣ, въ какомъ „постится братство“ первые два дня, т. е. въ смыслѣ полного неяденія¹⁾. Этотъ совѣтъ, который у *современнаго* врача вызвалъ бы негодованіе, не можетъ показаться ни страннымъ, ни жестокимъ человѣку, хорошо знакомому съ церковной исторіей: пять дней полного неяденія (собственно 4^{1/2}) со вкушеніемъ пици только въ субботу и воскресенье—довольно обычный пріемъ древнихъ постниковъ. Христіанину предлагается разъ въ годъ испытать на себѣ этотъ пріемъ и чрезъ это познакомиться съ цѣлою областью духовныхъ переживаній, другимъ путемъ *безусловно* не достижимыхъ (см. § 1); въ Америкѣ и нынѣ производятся, не изъ религіозныхъ, къ сожалѣнію, мотивовъ, опыты и болѣе рискованные; не смѣемъ *теперешнему* читателю напоминать о древнихъ

¹⁾ Иначе понимаетъ эти два мѣста Типикона и Тріоди проф. А. А. Дмитріевскій въ указ. брошюрѣ—„Тріодъ Постная—учил. благоч.“, стр. 11.

опытахъ сорокадневныхъ постовъ. Чтобы исчерпать вопросъ полно, уставъ подлѣ этой болѣе суровой, чѣмъ предписываемая имъ практика, указываетъ и болѣе легкую въ сравненіи съ послѣдней. „Святые же горы типикъ въ первый убо день отнюдь не повелѣваетъ ясти; во вторникъ же и въ среду и четвертокъ ясти подобаетъ по единой литрѣ хлѣба и воду и ино ничтоже, развѣ соли требуя съ хлѣбомъ“. Аѳонскій уставъ, жившій чрезъ посредство св. Аѳанасія преданіями св. Θεодора Студита, оказывался здѣсь болѣе снисходительнымъ, какъ и вообще постный режимъ Студійскаго устава былъ легче Іерусалимскаго (разрѣшалось на все въ среды и пятки, если на нихъ падали дванадесятые праздники): постъ требовался только въ понедѣльникъ, въ другіе же дни первой недѣли до четверга разрѣшалось сухояденіе, но самое строгое: хлѣбъ и вода (простота режима безъ упоминанія разныхъ „укроповъ съ медомъ“ свидѣтельствуетъ о большой древности практики).

Какая изъ двухъ практикъ—Іерусалимская или Аѳонско-Студійская—лучше, хорошо показало время и особенно то обстоятельство, что на самой „св. горѣ“ нынѣ принята цѣликомъ первая практика. „Нынѣ на Аѳонѣ послѣ сытной трапезы вечеромъ въ послѣдній день масляницы, по окончаніи повечерія, всѣ краны холодной воды въ монастырѣ запираются и оставляются въ такомъ положеніи до среды, когда, послѣ преждеосвященной литургіи, братія получаетъ по куску хлѣба и изъ куба кипятокъ для чаю“¹⁾.

Такъ какъ указанное замѣчаніе Трїоди, заимствованное въ 49 гл. Типикона, присоединяется въ ней къ службѣ *понедѣльника*, то имъ не предрѣшается еще вопросъ о постномъ режимѣ остальныхъ дней первой седмицы, исключая, впрочемъ, *вторника*, тождественнаго въ этомъ отношеніи съ *понедѣльникомъ*. Поэтому оставляя безъ указанія трапезу *вторника*, которой не полагается, Трїодъ только въ службѣ

¹⁾ А. А. Дмитріевскій, тамъ же.

среды возвращается къ правиламъ пощенія и назначаетъ для этого дня такую трапезу: „входяще же въ трапезу, ядимъ сухояденіе, піемъ и сокъ съ медомъ“. 32 гл. Типикона только раскрываетъ понятіе сухояденія, когда объ этой же трапезѣ говоритъ: „въ среду же по совершеніи преждеосвященныхъ, трапеза поставляется, и ядимъ хлѣбъ теплъ и отъ снѣдей овощныхъ теплыхъ, дается же и укропъ съ медомъ“. Овощи (сырья впрочемъ) причисляются къ сухояденію, какъ мы видѣли, уже и Апостольскими Постановленіями.

„Въ четвертокъ же тоя седмицы трапезы не поставляемъ, но пребываемъ постящеся [опять слово въ смыслѣ полного неяденія, какъ въ первомъ указаніи относительно поста—въ понедѣльникъ] даже до пятка: тогда бо ядимъ входяще въ трапезу“, замѣчаетъ Тріодъ и тріодная часть Типикона непосредственно послѣ только что приведеннаго указанія на трапезу въ среду, т. е. въ службѣ среды. Въ службѣ же четверга, какъ и вторника, краснорѣчивое молчаніе о трапезѣ. Впрочемъ, выраженія „трапезы не поставляемъ“, „тогда бо ядимъ входяще въ трапезу“ заключаютъ въ себѣ скрытую мысль, что скудная пища внѣ трапезы, хлѣбъ и вода „и ино ничтоже, развѣ соли требуя съ хлѣбомъ“ (см. выше) не была бы оскверненіемъ этого четверга, въ виду чего м. б. 32 гл. его проходить молчаніемъ.

Пятницу первой седмицы уставы поста удѣляютъ особое вниманіе съ одной стороны какъ отданію тяжелаго пятидневнаго поста, съ другой какъ дню, въ который уже начинается (вечеромъ) суббота (а въ субботу вообще „постъ не бываетъ“) и празднованіе (еще днемъ) памяти святого великомученика *Θεοδώρα Τύρωνα*. Ἰποτόπωσις назначаетъ для этой пятницы „вареные бобы съ маслинами бѣлыми и черными (μετὰ ἐλαίῳν ἄσπρων καὶ μαύρων) и квашенную капусту, и коливо“, и „одну красовулю“ вина. Уставъ п. Алексѣя и Пандократорскаго монастыря идетъ дальше: „влѣютъ масло въ солоную капусту“ и тоже по чашѣ вина. Типиконъ имп. Ирины дѣлаетъ послѣдній шагъ въ сторону разрѣ-

шенія: „въ пятницу должно вкушать вамъ нѣкоторое *вариво* (жидкое блюдо), два кушанья, одно съ елеемъ, другое же безъ елея и вино должно пить по малой красовули“. Евергетидскій типиконъ уже идетъ назадъ: „въ эту же пятницу должно вкушать вамъ нѣкія два варенія кушанья безъ елея, вино же должно пить лучшее по большой красовули“. Т. о. единогласно разрѣшаютъ уставы въ этотъ день вино и колеблются въ разрѣшеніи на постное масло и даже на вареную пищу. Это колебаніе отразилось и на предписаніи нынѣшняго устава относительно пятницы. „И входимъ въ трапезу, вкушаемъ же вина и елеа ради святаго; сіе пріяхомъ въ лаврѣ преподобнаго отца нашего Саввы и киновіи преподобнаго великаго Евѣимія [авторовъ основы Іерусалимскаго устава]; но не творимъ сего нынѣ за честность дня, обаче ядимъ вареніе съ сливами безъ елеа и армеа“, т. е. трапеза указывается по предписанію Ὑποτόπωσις'а св. Θεодора на каждый день первой недѣли, причемъ изъ ἀλμαία, соленіе (уст. п. Алексѣя: солоная капуста) сдѣлано армеа. Но при этомъ прибавлено: „произволяющіи же ядятъ сухояденіе, якоже и въ среду“. Замѣчательно, что въ окончательномъ постановленіи нынѣшняго устава не разрѣшено вино въ этотъ день, не смотря на единогласіе древнихъ уставовъ въ этомъ отношеніи.

Суббота первой недѣли—по уставу уже прямо праздничный день (праздничная катавасія послѣ каждой пѣсни канона; славословія нѣтъ только ради поста), дорогой по воспоминанію чуда св. Θεодора, и это не могло быть отмѣчено особой льготой въ постѣ. Трапезой этого дня еще болѣе занимаются уставы, но даваемое ими „разрѣшеніе“ на этотъ день—общее для всѣхъ субботъ, впрочемъ и для воскресеній, Великаго поста. По Ὑποτόπωσις'у въ этотъ день полагалось два вареныхъ блюда съ масломъ и по двѣ красовули вина утромъ и вечеромъ; то же почти по уставу п. Алексѣя и другимъ; но рядъ уставовъ разрѣшаетъ въ этотъ день, а слѣд. и во всѣ субботы и воскр. поста и на че-

репокожихъ или октатедовъ, т. е. устриць, раковъ и т. п. (уставъ. имп. Ирины, мон. св. Маманта и Иліи, типикъ св. Саввы Сербскаго, Пандократорскій), даже на вязигу (τὰ νεῖρα—Пандокр.), а одинъ уставъ и на рыбу (уставъ имп. Ирины и Евергетидскій, „если кѣмъ-либо изъ христіолюбцевъ будетъ предложено утѣшеніе“) ¹⁾.

Итакъ нынѣшній уставъ возвращается къ самымъ древнимъ традиціямъ, минуя всѣ позднѣйшія колебанія на этотъ счетъ, когда даетъ такое указаніе относительно стола въ первыя, а слѣд. и *всѣ* обыкновенныя, *субботу и воскресенье* *В. поста*:—о субботѣ: „и ядимъ бобъ обваренный, съ маслинами бѣлыми и черными [выраженіе взято изъ Ἰποτόπωσις'а о трапезѣ первой пятницы поста] и вареніе съ елемъ; вина же испиваемъ по красоволію [не по 2, какъ въ Ἰποτόπ.] ради святаго“, о воскресеньи—„на трапезѣ же ядимъ вареніе съ елеемъ, а не рыбы; аще же прилучится, пиемъ вино уставленное въ славу Божию, по двѣ чаши“ [преимущество предъ субботой]. Прибавка; „а не рыбы“—отголосокъ колебаній древнихъ уставовъ, также какъ примѣчаніе („зри“) подъ субботой: „вѣдати подобаетъ, яко дважды пріяхомъ ясти рыбы въ сей Великій постъ—въ праздникъ Благовѣщенія и цвѣтоносія“. Въ 32 гл. еще рѣшительнѣе: „рыбы же во всю св. 40-цу никакоже дерзнемъ ясти, кромѣ праздника Благовѣщенія Пресв. Богородицы и недѣли цвѣтоносныя“. Еще славянскій типиконъ 1553 г. (Моск. Синод. библ.) относительно послѣдняго пункта другого мнѣнія: „въ субботу и недѣлю (1 седмицы) вси иноци и міряне (вкушаютъ) масло и вино; обаче міряномъ, аще хотятъ, въ недѣлю первую и рыбу ясти, занеже во всемъ постѣ четырежды уставлено есть тѣмъ ясти рыбы, аще хотятъ: въ недѣлю православную, и въ недѣлю поклоненія честнаго креста, и въ недѣлю цвѣтоносія, и на праздникъ Благовѣщенія“ ²⁾. Здѣсь мы видимъ

¹⁾ Дмитріевскій А. А. Тріодъ постная... Стр. 24 и 32.

²⁾ Рук. М. Синод. библ. № 389 (337), л. 496 об. Дмитріевскій А. А. указ. соч. 32.

последнее колебаніе по этому вопросу съ явнымъ наклономъ къ нынѣшнему рѣшенію его.

„Въ прочихъ же седмицахъ постимся до вечера 5 дней и ядимъ сухояденіе, кромѣ субботъ и недѣль“. Такое краткое и простое указаніе, и то только въ 32 гл., даетъ нынѣшній Типиконъ относительно пищи во все протяженіе 2—6 недѣль поста (сухояденіе въ выше разъясненномъ смыслѣ). Но и по этому пункту было не мало колебаній въ древнемъ уставѣ и нынѣшнее указаніе—итога ихъ. Почти всѣ древніе уставы имѣли тенденцію между 5 постными днями седмицы (суббота и воскресенье собственно не постные дни) дѣлать различіе, отмѣчать нѣкоторые изъ нихъ болѣе строгимъ постомъ. По однимъ уставамъ постъ усиливается въ понедѣльникъ, среду и пятницу, по другимъ только въ послѣдніе два дня. Только для этихъ двухъ или трехъ дней большинство древнихъ уставовъ требуетъ поста такой же строгости, какъ въ первую седмицу; для вторника же и четверга давалось разрѣшеніе на масло и вино; въ уставѣ имп. Ирины и для среды и пятницы. Но древнѣйшіе уставы—Ипотипосисъ и п. Алексѣя разрѣшаютъ въ пон., втор. и четвергъ поста вареную пищу безъ масла и вина. Нынѣшній уставъ правѣе, что не дѣлаетъ такого различія: среда и пятница въ Великомъ посту наиболѣе радостные изъ 5 седмичныхъ дней благодаря тому, что имѣютъ литургію, и даже на первой седмицѣ поста въ оба эти дня облегчается постъ. Такъ искусно изъ церковнаго устава устранялись постепенно всѣ неудачныя его правила.

Нѣсколько дней въ теченіе 2—6 седмиць поста заслуживали нѣкоторой льготы въ постѣ по особой ихъ знаменательности. Таковы 1) среда Крестопоклонной недѣли, являющаяся самой серединой, „преполовеніемъ“ всего поста; 2) четвергъ 5-ой недѣли, на утрени котораго поется великій канонъ, и за одно предшествующая ему среда, въ вечеръ которой начинается эта утренняя; 3) пятница той же недѣли, предшествующая ночи акаѣистнаго пѣнія; 4) суббота Лазарева.

Среда Крестопоклонная начинается въ правилахъ поста позже, чѣмъ четвергъ великаго канона. Ипотипосисъ не упоминаеть о ней. Впервые говорить о ней, повидимому, уставъ императрицы Ирины, причемъ даетъ для нея самое большое разрѣшеніе, такое, какъ для субботъ и воскресеній поста (три вареныхъ кушанья съ масломъ и большая чаша вина). Такое же большое разрѣшеніе для этой среды даетъ и Евергетидскій Типиконъ, вообще одинъ изъ самыхъ строгихъ въ постѣ. Напротивъ Ипотипосисъ въ одной изъ своихъ редакцій, *Διατύπωσις* св. Аѳанасія, Пандократорскій уставъ всю четвертую недѣлю уравнивають по строгости поста съ первой. Исторіей настоящаго вопроса объясняется положеніе его въ нынѣшнемъ уставѣ. Прежде всего 32 гл. Типикона, подобно древнѣйшимъ уставамъ, совершенно о ней не упоминаеть (о четвергѣ великаго канона говорить). 49 же глава и Тріодъ даютъ мимолетное указаніе о ней не въ уставѣ этого дня, а въ уставѣ четверга 5-й недѣли и то только въ формѣ цитаты изъ Святогорскаго устава (см. ниже).

Четвергъ великаго канона отмѣчается относительно трапезы уже Ипотипосисомъ. Но здѣсь дается для этого дня самая малая льгота: такая, какъ для праздника Обрѣтенія главы св. Іоанна Предтечи, и меньшая, чѣмъ для дня 40 мучениковъ (безъ масла, только маслины и вино). Въ уставѣ же имп. Ирины и Евергетидскомъ въ этотъ четвергъ, какъ и въ среду Крестопоклонную, дается самое большое разрѣшеніе, — какъ въ субботы и воскресенья поста. Уставъ іеромонаха Нила запрещаетъ въ этотъ четвергъ, какъ и въ предшествующую ему среду, ужинъ, м. б. въ противоположность какимъ-либо уставамъ, дозволявшимъ его (такъ какъ ужина вообще въ постѣ не полагается, а обѣдъ бываетъ позже, вечеромъ). — Нынѣшній уставъ въ виду всего этого даетъ такое указаніе о трапезѣ этихъ дней: въ 32 гл. Типикона: „въ пятокъ 1-я недѣли, и въ среду великаго канона, и въ великій четвертокъ, аще нѣцци уставы и повелѣвають на елей разрѣшати, но не творится за честность дней“; въ 49 гл. и

Тріоди о средѣ великаго канона: „на трапезѣ разрѣшаемъ на елей и вина причащаемся труда ради бдѣннаго, хотящаго быти; внимающіи же спастися, воздержанію прилежать; множайшіи же посту нелицемѣрну“; о четвергѣ: „на трапезѣ же ядимъ елей и вино піемъ, труда ради бывшаго; нѣщии же уставы [Ипотипосисъ] разрѣшати точію на вино попускають, на елей же не оставляють; во святыхъ же горы типичѣ разсуждаетъ: на святыхъ мученикъ 40, на предтечевы главы обрѣтеніе, въ среду крестопоклонную, на великій канонъ, и на неспѣдалное (подъ акаѳистъ) ясти два варенія съ елеемъ и испивати по двѣ чаши вина“. Т. о., явно не одобряя разрѣшенія на елей наканунѣ великаго канона (разрѣшенія, дѣйствительно, не даваемого древнѣйшими уставами), нынѣшній уставъ считаетъ приличнымъ для этого четверга по крайней мѣрѣ разрѣшеніе на вино; такое же разрѣшеніе мысленно предполагаетъ и 32 гл., неодобряя разрѣшенія на елей. Какъ увидимъ ниже, такая же льгота въ постѣ дается для великаго четверга и отчасти для великой субботы.

О *пятницѣ наканунѣ субботы Акаѳиста*, изъ извѣстныхъ намъ древнихъ уставовъ, есть замѣчаніе только въ Типиконѣ іером. Нила; запрещая ужинъ въ среду и четвергѣ великаго канона, этотъ уставъ прибавляетъ: „въ пятницу же должно утѣшать пѣвцовъ ради Акаѳиста“ т. е. дозволенъ ужинъ. Нынѣшній уставъ: „на трапезѣ піемъ вино труда ради бдѣннаго“ (49 гл. Тип. и Тріодь).

На *Лазареву субботу* Ипотипосисъ, Орбельская Тріодь и Типиконъ іером. Нила разрѣшаютъ рыбу, первый уравнивая ее въ этомъ отношеніи съ недѣлей Православія, Крестопоклонной и праздникомъ 40 мучениковъ, вторая и третій—съ праздникомъ Благовѣщенія. Но уставъ п. Алексѣя—разрѣшаетъ только на вариво съ елеемъ, уравнивая ее тоже съ праздниками Предтечи, 40 мучениковъ и Благовѣщенія. Нынѣшній уставъ примиряетъ это разногласіе, разрѣшая въ эту субботу на икру: „на трапезѣ учреждаемъ вареніемъ съ елеемъ; аще же икру пмамы, да дастся комуждо брату по

три онгіи¹⁾, и вино піемъ“ (49 гл. Тип. и Тріодъ; 32 гл. Тип. не упоминаеть).

Какъ это ни странно можетъ показаться намъ теперь, но древніе уставы въ *Вербное воскресенье* давали меньшую льготу въ постѣ, чѣмъ въ Лазареву субботу. Это могло быть, конечно, потому только, что этотъ день почти причислялся уже къ Страстной недѣлѣ (безъ него, дѣйствительно, эта недѣля не является недѣлей, седмицей). Какъ извѣстно по нынѣшнему уставу—это одинъ изъ двухъ дней всего поста, въ который разрѣшается рыба (что упомянуто и въ 32 гл. Типикона и въ 49 гл. два раза: въ уставѣ 1-ой субботы поста и въ уставѣ самой недѣли Ваий: „на трапезѣ утѣшеніе: ядимъ рыбы и вино піемъ, благодаряще Бога“). Между тѣмъ Ипотипосисъ не только не разрѣшаетъ на рыбу въ Вербное воскресенье (разрѣшая ее для 4 дней поста: 1 и 3 недѣли, субботы Лазаря и 40 мучениковъ), но и на масло, а только на маслины при вареномъ блюдѣ и на вино, уравнивая это воскресенье по трапезѣ съ праздникомъ Предтечи. Уставъ же п. Алексѣя не упоминаеть объ этой недѣлѣ въ главѣ о постахъ, слѣд. не выдѣляетъ ее изъ ряда другихъ воскресеній поста. Изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ древнихъ уставовъ, только Пандократорскій упоминаеть о ней и разрѣшаетъ на рыбу (не говоримъ объ уставахъ, разрѣшающихъ на рыбу во всѣ субботы и воскресенья поста).

Кромѣ этихъ дней особенной льготой въ постѣ отмѣчались дни, на которые падали какіе-либо *праздники*. На постъ могутъ приходиться слѣдующіе праздники: Благовѣщеніе (очень часто), память 1 и 2 обрѣтенія честныхъ главы Іоанна Предтечи 23 февраля (рѣже), и память 40 мучениковъ Севастійскихъ 9 марта (всегда). Большинство древнихъ уставовъ не полагають особаго различія между этими праздниками въ отношеніи разрѣшенія, но нѣкоторые изъ нихъ мѣняють степень

1) Οὐγγίον, ὀγκίον—должно быть греческая транскрипція латинскаго uncia—¹/₁₂ асса или римскаго фунта.

этого разрѣшенія въ зависимости отъ того, приходится ли эти праздники въ среду и пятницу, или въ другіе седмичные дни: въ первомъ случаѣ дается меньшее разрѣшеніе.

Прежде о *Благовѣщеніи*. Ипотипосисъ и Діатипосисъ разрѣшаютъ на рыбу и вино. Уставъ п. Алексѣя только на масло и вино (повидимому). Но всѣ дальнѣйшіе уставы разрѣшаютъ на рыбу, а нѣкоторые изъ нихъ даютъ это разрѣшеніе и для навечерія и по праздниству Благовѣщенія (Орбельская Тріодъ) или для одного по праздниства, особенно если есть остатки отъ рыбной трапезы (Евергетидскій, Саввы Сербскаго и Космосотира),—послѣднее, впрочемъ, если по праздниство Благовѣщенія не приходится въ среду или пятницу. Уставы имп. Ирины, св. Маманта и св. Иліи предвидятъ и совпаденіе Благовѣщенія со Страстной седмицей, разрѣшая въ такомъ случаѣ для него только черепакожихъ.—Нынѣшній уставъ на Благовѣщеніе разрѣшаетъ рыбу, исключая случай, когда онъ приходится въ Страстную седмицу: тогда разрѣшается масло и вино; если же праздникъ придется въ Великую пятницу, то сухояденіе и вино (Марк. глава). На по праздниство (тожь отданіе) праздника по нынѣшнему уставу „разрѣшеніе вина и елея“ (Минея 26 марта); то же на пред праздниство.

Два другихъ постныхъ праздника: *24 февраля* и *9 марта* (по типу—поліелейные) въ древнихъ уставахъ то уравниваются съ Благовѣщеніемъ по разрѣшенію поста, то ставятся ниже его (не дозволяется рыба). При этомъ праздникъ 40 мучениковъ иногда ставится выше Обрѣтенія главы. Нынѣшній уставъ для нихъ разрѣшаетъ вино и елей.

Нѣкоторые изъ древнихъ уставовъ въ одинъ разрядъ съ этими праздниками ставятъ память св. *Власія* 11 февр. и (чаще) св. *Алексѣя* 17 марта. Уставъ п. Алексѣя по понятной причинѣ въ послѣдній праздникъ разрѣшаетъ на рыбу.

О *Страстной седмицѣ* „мало подобаетъ изрещи“. Всѣ уставы, начиная съ Ипотипосиса, уравниваютъ ее съ пер-

вой, давая впрочемъ небольшое облегченіе поста въ Великій четвергъ (по Ипот. и Діатип.—варенныя овощи безъ елей и вино). Вино разрѣшалось съ сырыми плодами (по тѣмъ же уставамъ) и въ Великую субботу. Но относительно послѣдней нѣкоторыя редакціи Ипотипосиса даютъ разрѣшеніе даже на сыръ и яйца. Вопросъ, вызвавшій и соборное обсужденіе и рѣшенный на Трульскомъ соборѣ въ томъ смыслѣ, что постъ В. субботы долженъ разрѣшаться не ранѣе полуночи. Нынѣшній уставъ для первыхъ 3 дней Страстной седмицы назначаетъ сухояденіе, въ Великій четвергъ разрѣшаетъ на елей и вино, а въ Великую субботу только на вино, хлѣбъ, смоквы или финики.

—

Не слишкомъ ли мелочна эта регламентація? Какъ и вездѣ, здѣсь важна не буква, а духъ. Нужно прочесть самому всѣ эти правила въ Тріоди и Типиконѣ, чтобы ощутить на себѣ теплое дыханіе той любви къ Церкви и всему связанному съ ней, которая дышала съ такой силой только въ первые 8—10 вѣковъ христіанства. И въ глубокомъ искусствѣ нельзя отказать этой регламентаціи. Самымъ мелочнымъ предписаніемъ въ этомъ кодексѣ вѣроятно каждый признаетъ разрѣшеніе въ Лазареву субботу одной икры. Но надо знать весь исключительный духъ службы этой субботы, не имѣющей себѣ въ этомъ отношеніи въ цѣломъ церковномъ году ничего подобнаго, уступающей по умиленности и оригинальности богослуженія *только* Великой субботѣ и Пасхѣ; надо знать это и почувствовать, чтобы понять всю необходимость отмѣтить этотъ день какимъ-нибудь особеннымъ образомъ и въ отношеніи трапезы.

Нельзя не обратить вниманіе на большое различіе въ режимѣ Великаго поста между православіемъ и католичествомъ. Въ римско-католической церкви не только рыба считается постнымъ кушаньемъ, но и молочные продукты. Въ настоящее время молоко разрѣшается у католиковъ для всѣхъ воскресеній Великаго поста, а одно время, повидимому, раз-

рѣшалось и въ другіе дни поста ¹⁾). Безусловно запрещается въ постъ только мясо; но по благословной винѣ разрѣшеніе и на мясо можетъ быть дано священникомъ. Въ Руанѣ, Буржѣ и др. городахъ построены огромныя колокольни на сумму, собранную съ разрѣшеній ѣсть мясо въ В. постъ ²⁾). Такое громадное различіе во взглядѣ на постъ показываетъ, какимъ различнымъ духомъ проникнуты обѣ церкви.

---

¹⁾ *Łunkiewiczza Piara* ks. Wykład obrzędów i religijnych zwyczajów rzymsko-katolickiego kościoła Wydanie 2. Wilno 1854, l. 32—34.

²⁾ *Серединскій Т.* свящ. О богослуженіи западной церкви. 2. Спб. 1849, стр. 77.